

БІОГРАФІЯ
ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Т. Ѳ. КУЗИНА.
1892.

БІОГРАФІЯ ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО,

протоіерея Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ. Съ прибавленіемъ извлеченій, изъ ДНЕВНИКА и ПОУЧЕНІЙ отца Іоанна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Т. Ѳ. КУЗИНА.
1892.

Отъ Спб. Духовн. Цензурнаго Ком. печ. дозв. 12 Марта 1892 г. Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Типографія П. Вощинской, Шлиссельбургскій пр. № 3.

БІОГРАФІЯ

О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Врядъ-ли можно найти въ Россіи человѣка, гдѣ бы онъ не жилъ и къ какому бы слою общества не принадлежалъ, который не знаетъ отца Іоанна, не слыхалъ о немъ. По всему нашему громадному отечеству несмолкаемо слышатся разсказы о добрыхъ дѣлахъ кронштадтскаго священника, о силѣ его молитвы, производящей чудесныя исцѣленія, о великой нравственной помощи, получаемой отъ него всѣми, съ вѣрою къ нему обращающимися. Многое множество людей, удрученныхъ недугами и горемъ, стремится со всѣхъ сторонъ въ Кронштадтъ для того, чтобы получить благословеніе и помощь отъ добраго служителя Божьяго. Даже самые холодные,

скептичные люди, даже и тѣ, кто считаетъ для себя „предосудительнымъ" и „недостойнымъ" вѣрить чему-либо, кромѣ грубой матеріи,—какъ-то смолкаютъ при имени отца Іоанна и невольно относятся къ нему съ уваженіемъ. Молва о немъ разнеслась далеко и за предѣлами Россіи,—я знаю это, такъ какъ меня не разъ, съ глубокимъ интересомъ, спрашивали о немъ иностранцы въ Германіи и Франціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, слава является высшей цѣлью и высшей наградой стремленій человѣческаго духа. Слава есть подобіе, образъ вѣчности и безсмертія въ этомъ преходящемъ мірѣ, гдѣ смерть неустанно творитъ свою разрушительную работу. Въ погонѣ за земнымъ безсмертіемъ, человѣческая гордость способна какъ на великіе подвиги, такъ и на ужасающія преступленія.

Но слава почти никогда не дается тѣмъ, кто гонится за нею, кто хочетъ овладѣть ею насильно. Она дается лишь избранникамъ, для нея рожденнымъ и ей предназначеннымъ.

Прославленные вожди и руководители

народовъ, устроители государственной жизни, свѣтила наукъ и искусствъ—все это, говоритъ г. Соловьевъ („Сѣверъ“ 1888 г.), избранники судьбы. Для того, чтобы вести народъ и управлять имъ, надо имѣть прирожденное, царственное право, или достигнуть его въ силу такихъ обстоятельствъ, какія никогда не зависятъ отъ человѣческой воли. Для того, чтобы получить славу великаго государственнаго дѣятеля, вовсе недостаточно имѣть необходимыя для этого качества и силы: всѣ эти качества и силы останутся въ бездѣйствіи, если судьба или то, что обыкновенно называютъ случаемъ, не выдвинетъ человѣка впередъ и не дастъ ему возможности расширять сферу своей дѣятельности. Для того, чтобы стать великимъ ученымъ, писателемъ, художникомъ—необходимо родиться съ зародышемъ великаго таланта, ибо выростить и развить можно лишь то, сѣмя чего уже существуетъ.

Поэтому человѣкъ, оставившій послѣ себя яркій и долгій слѣдъ въ человѣчествѣ, достигшій земнаго безсмертія, прежде всего обязанъ этимъ не себѣ, а „инымъ силамъ“. Его заслуга — только заслуга

честнаго работника, не зарывшаго свой талантъ въ землю, а неустанно трудившагося надъ его развитіемъ. Конечно, и эта заслуга велика; только вѣдь награда, получаемая за нее при жизни и по смерти, стоитъ всевозможныхъ усилій.

Но есть на землѣ чудная, дивно-прекрасная слава, зависящая только отъ самого человѣка. Для того, чтобы достичь этой славы, не надо родиться во дворцахъ и чертогахъ, не надо обладать никакимъ природнымъ талантомъ. Эта слава доступна „каждому" человѣку, лишь-бы онъ дѣйствительно захотѣлъ ее и отдалъ ея достиженію всю свою жизнь и всю свою душу.

Примѣромъ такой славы служитъ отецъ Іоаннъ.

Каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, поставившій себѣ такую цѣль и отдавшій „всю жизнь" ея достиженію, идущій неустанно по намѣченному пути и не ослабѣвающій въ постоянной борьбѣ, можетъ и долженъ достигнуть того, чего достигъ отецъ Іоаннъ. Но для этого необходима та непреоборимая и неустрашимая вѣра, которая встрѣчаетъ всякое отрицаніе и сомнѣніе только съ изумленіемъ и глу-

бокой жалостью къ тѣмъ, кто отрицаетъ и сомнѣвается. Для этого необходима любовь, пламенная любовь ко всякому заблуждающемуся брату, заставляющая забывать о себѣ, служить ближнимъ „всегда“ и въ каждую минуту своей жизни.

Кто можетъ такъ вѣрить и такъ любить, тотъ получаетъ не только духовную силу, но и силу тѣлесную въ размѣрахъ изумительныхъ и почти непостижимыхъ. Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ, прослѣдивъ дѣятельность отца Іоанна.

Самъ о. Іоаннъ сообщилъ подробную свою автобіографію издателю журнала „Сѣверъ“, гдѣ она и была напечатана въ 1888 году, а оттуда заимствуемъ ее и мы.

„Я—сынъ причетника Архангельской губерніи, села Сурскаго, и родился въ 1829 году. Вотъ, нисколько не подготовленный къ школѣ, едва умѣвшій читать по складамъ, я поступилъ въ архангельское приходское училище своекоштнымъ воспитанникомъ въ 1839 году, на десятомъ году возраста. Туго давалась мнѣ грамота: руководителей ближайшихъ не было, до всего долженъ былъ доходить самъ. Не малая скорбь была у меня по

поводу моей непонятливости. Но съ дѣтства, будучи пріученъ примѣромъ отца и матери къ молитвѣ, я былъ благочестиво настроеннымъ мальчикомъ и любилъ молитву и богослуженіе, особенно—хорошее пѣніе. Скорбя о неуспѣхахъ ученія, я горячо молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ разумъ,—и я помню, какъ вдругъ спала точно завѣса съ моего ума и я сталъ хорошо понимать ученіе. Чѣмъ больше я возрасталъ, тѣмъ лучше и лучше успѣвалъ въ наукахъ, такъ что почти изъ послѣднихъ возвысился до перваго изъ учениковъ, особенно въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ первымъ студентомъ въ 1851 году, и былъ посланъ въ петербургскую Духовную Академію на казенный счетъ. Въ академическомъ правленіи тогда занимали мѣста письмоводителей студенты. за самую ничтожную плату (около 10 р. въ мѣсяцъ) и я, имѣя мать, бѣдную вдову, нуждавшуюся въ моей помощи, на предложеніе секретаря академическаго прабленія, съ радостью согласился занять это мѣсто. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, я поѣхалъ священникомъ въ Кронштадтъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, женившись на дочери

мѣстнаго протоіерея, К. И. Несвицкаго, Елизаветѣ, находящейся въ живыхъ и доселѣ; дѣтей у меня нѣтъ и не было. Съ первыхъ-же дней своего высокаго служенія Церкви, я поставилъ себѣ за правило: сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью. Съ этою цѣлью прежде всего я принялся за чтеніе Священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта, извлекая изъ него назидательное для себя, какъ для человѣка, священника и члена общества. Потомъ я сталъ вести дневникъ, въ которомъ записывалъ свою борьбу съ помыслами и страстями, свои покаянныя чувства, свои тайныя молитвы ко Господу и свои благодарныя чувства за избавленіе отъ искушеній, скорбей и напастей. Въ каждый воскресный и праздничный день я произносилъ въ церкви слова и бесѣды, или собственнаго сочиненія, или проповѣди митрополита Григорія. Нѣкоторыя изъ моихъ бесѣдъ изданы, а весьма много осталось въ рукописи. Изданы: бесѣда „О Пресвятой Троицѣ“, „О сотвореніи міра“, „О Промыслѣ Божіемъ“, „О мірѣ“

и „О блаженствахъ Евангельскихъ". Кромѣ проповѣдничества, съ самаго начала священничества я возымѣлъ попеченіе о бѣдныхъ, какъ и самъ бывшій бѣднякомъ, — и лѣтъ около двадцати назадъ провелъ мысль объ устройствѣ въ Кронштадтѣ „Дома трудолюбія" для бѣдныхъ, который и помогъ Господь устроить лѣтъ 15 тому назадъ. И все".

Вотъ вся автобіографія высокаго пастыря, но мы многое имѣемъ къ ней прибавить.

„Масса" или „публика" обратила свои взоры на Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ только 15 лѣтъ тому назадъ, когда случаи помощи больнымъ чрезъ о. Іоанна, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, стали повторяться почти ежедневно и сдѣлались достояніемъ печати. „Московскія Вѣдомости", „Петербургскій Листокъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и нѣкоторыя духовныя изданія помѣстили въ 1875 г. не менѣе 100 описаній разныхъ случаевъ изъ жизни и дѣятельности отца Іоанна съ указаніемъ и ссылками на живыхъ свидѣтелей. Здѣсь не можетъ быть мѣста вымысламъ или недоразумѣніямъ и мы вправѣ сослаться на такое свидѣтель-

ство свѣтской и духовной печати. Помимо этого десятки тысячъ очевидцевъ передаютъ изъ устъ въ уста свои собственныя впечатлѣнія и разсказы о разныхъ происшествіяхъ, при которыхъ они сами присутствовали.

Особенно яркую черту на всю жизнь и нравственный образъ почтеннаго пастыря налагаютъ любовь и состраданіе его къ страждущей братіи. Всѣ скорбящіе, болящіе и нуждающіеся удостоиваются особеннаго его вниманія и милости. Кто бы ни обращался къ о. Іоанну съ просьбой о помощи въ своей нуждѣ или скорби, онъ всегда встрѣчалъ сердечную доброту, откликъ и теплое участіе къ себѣ. Въ благотворительной дѣятельности своей, въ служеніи бѣдному и голодному люду, о. Іоаннъ Сергіевъ увѣковѣчилъ въ Кронштадтѣ свое доброе имя осязательными памятниками. Прежде этотъ портовый приморскій городъ отличался удивительнымъ изобиліемъ нищихъ; съ прекращеніемъ судоходства тамъ и доселѣ еще можно встрѣчать цѣлыя массы бездомныхъ, оставшихся безъ всякаго заработка бродягъ. Благотворительныя учрежденія дѣлали напрасную попытку и-

бавиться отъ этого зла, пока рѣшить задачу не взялъ на себя о. Іоаннъ. При участіи „Андреевскаго приходскаго попечительства“ онъ устроилъ образцовый „Домъ трудолюбія“, привлекши сюда многихъ жертвователей изъ своихъ почитателей: „Домъ трудолюбія“, о которомъ мы скажемъ ниже, имѣетъ своею цѣлью доставлять нуждающимся не только кусокъ хлѣба за работу, но и духовную пищу. По мысли о. Іоанна, въ немъ заведены по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ общедоступныя чтенія съ духовно-нравственнымъ содержаніемъ, доступъ въ которыя открытъ не только для проживающихъ въ „Домѣ“, но и для всѣхъ желающихъ. Помимо этого учрежденія, о. Іоаннъ состоитъ членомъ многихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, въ дѣлахъ которыхъ принимаетъ нѣсколько лѣтъ самое живое и благотворное участіе. Много благотвореній дѣлаетъ о. Іоаннъ и самъ лично. Когда идетъ онъ по улицѣ, его всегда сопровождаетъ цѣлая толпа нищихъ, ожидающая обычнаго даянія отъ милостиваго священника.

Научая другихъ и утѣшая стражду-

щихъ словомъ и дѣломъ. о. Іоаннъ бываетъ самъ всегда вѣренъ своему слову. Проникнутый вѣрою въ Бога и любовію къ ближнимъ, онъ отличается въ обращеніи совершенною доступностью, рѣдкимъ смиреніемъ. Все время онъ посвящаетъ занятіямъ, цѣлый день онъ трудится на пользу другихъ. Движимый христіанскою любовію и состраданіемъ, о. Іоаннъ часто посѣщаетъ больныхъ и другихъ, находящихся въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ и нуждающихся въ пастырскомъ словѣ утѣшенія и ободренія. Онъ съ одинаковою готовностью посѣщаетъ хоромы богачей и лачуги бѣдняковъ. Получивъ какое-либо приношеніе отъ первыхъ, онъ отдаетъ его, обыкновенно, послѣднимъ, представляя изъ себя какъ-бы посредника между богатыми и бѣдными.

Ему рѣдко удается спать болѣе трехъ—четырехъ часовъ въ сутки. У него нѣтъ и не можетъ быть опредѣленнаго времени для принятія пищи и онъ питается всегда наскоро тѣмъ, что ему предложатъ. Онъ не знаетъ усталости, но шести и болѣе часовъ находится на ногахъ, постоянно дома, на улицѣ или въ церкви, не-

повѣдуя и пріобщая св. Тайнъ сотни лицъ, ежедневно къ нему обращающихся.

Нѣсколько минутъ отдыха—и онъ спѣшитъ всюду, куда зовутъ его, служитъ молебны, навѣщаетъ больныхъ. Почти каждый день онъ ѣдетъ изъ Кронштадта въ Петербургъ и обратно, а то и гораздо далѣе, во всякую погоду, по всякой дорогѣ. И онъ всегда бодръ и свѣжъ, на губахъ его всегда радостная улыбка, свѣтлые и лучистые глаза его всегда свѣтятся добро.ой и любовью.

Постоянное обращеніе съ людьми, внимательное отношеніе къ человѣческой совѣсти, проникновеніе на исповѣди въ глубочайшіе тайники людского сердца доставили о. Іоанну громадную духовную опытность, близко граничащую съ прозорливостью. Это рѣдкое свойство церковнаго пастыря привлекаетъ къ о. Іоанну Сергіеву множество людей, измученныхъ душой, жаждущихъ просвѣщенно-христіанскаго слова утѣшенія и вразумленія. Отмѣнныя нравственныя качества его пріобрѣли евангельскую вѣру, по силѣ которой онъ съ Божіей помощію совершаетъ многое выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Изъ множества случаевъ это-

го рода, въ разное время передававшихся на страницахъ свѣтской и духовной печати, мы приведемъ два—три изъ „Воскреснаго дня“ 1888 г.

У матери одного, довольно извѣстнаго въ Кронштадтѣ, семейства, открылась въ ногахъ водяная болѣзнь. При всей помощи врачебной науки, какою больная имѣла средства пользоваться, болѣзнь непрерывно продолжалась цѣлыхъ четыре года. Созванный на пятый годъ болѣзни совѣтъ врачей нашелъ, что въ лучшемъ случаѣ жизнь больной можно продлить лишь на одну недѣлю. Жажда жизни у больной была такъ велика, что она согласилась перенести операцію, чтобы затянуть свою жизнь на пять, на шесть дней. Однако ранѣе этого больная пожелала помолиться Богу вмѣстѣ съ о. Іоанномъ. Приглашенный въ домъ страдавшей о. Іоаннъ отслужилъ здѣсь молебенъ, послѣ котораго, по особой просьбѣ больной, сталъ молиться о выздоровленіи ея. По окончаніи молитвы, смиренный пастырь посовѣтовалъ привести больную на слѣдующій день къ литургіи въ соборный храмъ. Въ наступившую за этимъ же днемъ ночь неизлѣчимая боль-

ная почувствовала въ себѣ облегченіе; вся опухоль въ ея ногахъ опала. Черезъ три дня она стояла уже въ мѣстномъ соборѣ и усердно благодарила Господа.

Не менѣе поразительнымъ представляется и другой случай. Однажды прославленный кронштадтскій священникъ былъ приглашенъ однимъ изъ жителей Петербурга отслужить въ его квартирѣ молебенъ. О. Іоаннъ только что успѣлъ окончить свои молитвы здѣсь, какъ получилъ новое приглашеніе отъ проживавшихъ въ томъ же домѣ молодыхъ холостяковъ, намѣревавшихся, повидимому, поглумиться надъ почтеннымъ о. протоіереемъ. Съ этою цѣлью одинъ изъ нихъ, представившись больнымъ, легъ въ постель. О. Іоаннъ пришелъ, отслужилъ молебенъ и уѣхалъ, напутствуемый лицемѣрною благодарностью приглашавшихъ. Каково же было изумленіе и ужасъ тѣхъ неблаговидныхъ людей, когда они нашли своего мнимо-больного товарища безъ движенія, пораженнаго полнымъ параличемъ всѣхъ членовъ. Врачъ, у котораго искали спасенія потерявшіе голову кощунники, призналъ состояніе больнаго опаснымъ. Не находя другого исхода изъ бѣды, не-

давніе шутники рѣшились отправиться въ Кронштадтъ къ о. Іоанну и уже искренно просить у него прощенія и молитвы. Въ то самое время, какъ о. Іоаннъ объяснялъ прибывшимъ: „Не надо мною вы посмѣялись, и только Богъ можетъ простить васъ, Помолимся Ему“, больной всталъ съ постели, счастливо освободившись отъ тяжелой болѣзни.

О. Іоаннъ Сергіевъ постоянно получаетъ письменныя просьбы о заочной молитвѣ. По неотступнымъ просьбамъ болящихъ онъ очень часто выѣзжаетъ также въ Петербургъ и другіе города. Въ прошломъ году напр. однимъ изъ посланниковъ нашихъ онъ приглашаемъ былъ даже заграницу. Всегда выбирая такія молитвы, въ которыхъ церковь молитъ Господа явить свое безмѣрное могущество и силу, о. Іоаннъ бываетъ успѣшенъ въ своихъ теплыхъ прошеніяхъ; молитвенный „глаголъ его не возвращается къ нему тощъ“.

Не такъ давно газеты передавали въ высшей степени прискорбное извѣстіе, касающееся личности высокочтимаго всѣми о. протоіерея Сергіева. Въ одинъ день когда о. Іоаннъ возвращался изъ одного

дома, на него было сдѣлано нечаянное нападеніе со стороны, какъ нѣкоторые передаютъ, фанатика-пашковца. Обстоятельства и причины возмутительнаго преступленія должны бы были подробно выясниться на судѣ, но незлобивый отецъ Іоаннъ отказался отъ обвиненія. Когда, послѣ освобожденія его изъ дерзкихъ рукъ преступника, спросили о. Іоанна: „Что дѣлать съ разбойникомъ?"—страдавшій отъ боли и потрясенія кроткій пастырь отвѣтилъ: „Отпустите его съ миромъ". Это-ли не жизненное выполненіе заповѣди Христа: Любите враговъ вашихъ!" Вотъ какое исполненіе Евангельской заповѣди свойственно истинному доблестному христіанину, а не то, которое проповѣдуютъ нѣкоторые велимудрые самозванные учители словами: „Не противьтесь злу".

Въ настоящее время о. Іоанну около 60 лѣтъ, но, несмотря на это, онъ выглядываетъ бодро и трудится положительно сверхъ силъ. Въ пять часовъ утра онъ уже на ногахъ и обыкновенно прогуливается въ небольшомъ садикѣ возлѣ дома, въ которомъ занимаетъ квартиру во второмъ этажѣ. Въ шесть ча-

совъ утра онъ въ соборѣ, гдѣ служитъ литургію, и затѣмъ отправляется въ „Домъ трудолюбія"; здѣсь онъ находится до 11 часовъ, а часто, при наплывѣ желающихъ исповѣдываться, до 2—4 часовъ. Отсюда онъ отправляется въ частные дома, къ страдающимъ тѣлесно и душевно. Въ большинствѣ случаевъ только въ 11 часовъ ночи онъ возвращается въ свое скромное жилище.

Сильна и чудесна молитва отца Іоанна. Его молитва положительно творитъ чудеса.

Первый случай, заставившій о себѣ говорить, относится къ 1879 или 1880 году.

Одно очень важное въ Петербургѣ лицо пригласило о. Іоанна помолиться объ его исцѣленіи. Лицо это лежало года два на болѣзненномъ одрѣ.

Вотъ о. Іоаннъ прибылъ. Это небольшого роста, сухощавый священникъ.

Съ перваго взгляда ничего особеннаго нельзя было найти въ лицѣ священника. Это самое обыкновенное, типичное русское лицо со слѣдами еще несошедшаго лѣтняго загара, съ чертами неправильными. Но вотъ онъ поднялъ глаза—и впечатлѣніе сразу измѣнилось. Въ этихъ

голубыхъ глазахъ столько свѣта и блеска, что, казалось, они все вокругъ себя озаряютъ. При видѣ этого нервно-подвижного лица, озаряемаго ясными голубыми глазами, полными необыкновеннаго свѣта и глубокаго выраженія, совсѣмъ забывался, какъ-то исчезалъ весь человѣкъ.

Въ нихъ сила, какая-то власть; отъ ихъ взгляда дѣлалось какъ-то жутко; глаза священника, если долго смотрѣть на нихъ, умиротворяли, утѣшали.

Когда священникъ вошелъ въ комнату, все лицо его дышало весельемъ и радостью; веселье и радость сказывались во всѣхъ его живыхъ, нѣсколько порывистыхъ движеніяхъ. Онъ прежде всего взглянулъ на образъ, висѣвшій въ углу, широко перекрестился, перевелъ взглядъ свой на Захарьева-Овинова, поспѣшно подошелъ къ нему и упалъ на колѣни. Онъ сталъ молиться. Священникъ точно забылъ гдѣ онъ и кто съ нимъ. Онъ зналъ только то, чего просилъ у Бога—и просилъ всѣмъ существомъ своимъ, всею своею вѣрою, волею, душою.

Онъ молилъ подать ему, по божественному обѣщанію, силу, исцѣляющую немощи и бѣсовъ изгоняющую... „Чрезъ

слабость мою прояви Твою силу!..“ шептали его губы.

Но онъ еще не чувствовалъ въ себѣ наитія силы. Его мольба, его вѣра все еще оставались безплодными; онъ былъ по прежнему слабымъ человѣкомъ... Въ немъ звучалъ ясный голосъ: „просите— и дастся вамъ... толцыте—и отверзется!“

И онъ просилъ съ могучею силой любви къ ближнему; онъ стучалъ все громче и громче въ завѣтную, обѣтованную дверь. Онъ весь преобразился, черты его освѣтились, глаза таинственно блистали, трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу, капли холоднаго пота струились по лбу его...

Наконецъ мольба его была услышана: онъ почувствовалъ какъ влилась въ него свѣтлая, дивная, могучая сила. Ему уже давно было знакомо это ощущеніе.

Онъ поднялся съ колѣнъ и направился къ кровати. Теперь въ немъ уже не было волненія, ни странныхъ движеній, ни трепета. Онъ спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ ему свою руку на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ! тихо сказалъ онъ.

Въ этихъ словахъ не чувствовалось

требованія, но они были такъ сказаны, что, очевидно, ихъ нельзя было ослушаться.

— Я не могу шевельнуться! явственно произнесъ больной.

Тогда отецъ Іоаннъ еще разъ возложилъ на него руку и еще разъ повторилъ: „Встань и помолимся вмѣстѣ!“

И больной всталъ съ кровати и опустился на колѣни рядомъ со священникомъ, начавшимъ громко читать молитву.

Когда молитва была окончена, отецъ Іоаннъ благословилъ больного, глядѣвшаго на него съ умиленіемъ, а затѣмъ помогъ ему лечь въ кровать.

— Для Бога все возможно! спокойно и съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ,—только вѣруйте, только молитесь... просите — и дастся вамъ... толцыте — и отверзется... И жизнь, и смерть—все въ десницѣ Господней; но Господь не можетъ желать смерти грѣшника, смерти непросвѣщеннаго... Онъ избавитъ васъ отъ лютыхъ мученій, онъ продлитъ дни ваши, исполнитъ мольбу вашего духа, насытитъ васъ—ибо вы алчете, напоитъ васъ—ибо жаждете, и затѣмъ пошлетъ вамъ безболѣзненную и мирную кончи-

ну... Только молитесь... только уповайте!..

На другой день больной выздоровѣлъ.

Случай этотъ быстро дѣлался общимъ достояніемъ. Къ отцу Іоанну начали стекаться со всѣхъ сторонъ недугующіе, страждующіе, труждающіеся и обремененные. Всѣмъ была нужда до „батюшки". Добившись свиданія съ нимъ и получивъ его благословеніе, каждый открывалъ ему свою душу, просилъ его молитвы и помощи. Онъ никому не отказывалъ, принималъ всѣхъ, со всѣми молился, всѣхъ утѣшалъ, обнадеживалъ. И каждый выходилъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ, съ облегченными тѣлесными страданіями, съ надеждою и вѣрой.

Отца Іоанна стали звать къ такимъ больнымъ, которые сами не могли къ нему придти. Онъ спѣшилъ по первому зову.

Прошла недѣля—и оказалось, что у него не было ни днемъ, ни ночью возможности отдохнуть, не было возможности остаться наединѣ съ самимъ собою. Выходя изъ спальни, онъ зналъ, что снизу у него уже давно ждетъ его множество народа. А отпустивъ этотъ народъ, давъ каждому то, чего тотъ про-

силъ, онъ спѣшилъ изъ дома, сопровождаемый толпою.

„Совсѣмъ замучаютъ батюшку, самъ онъ заболѣетъ!.. который день и ночь на ногахъ, невѣдомо когда спитъ, когда кушаетъ"... говорили въ толпѣ.

Но эти опасенія невольно забывались при взглядѣ на священника. Несмотря на безсонныя ночи, на образъ жизни, который всякаго довелъ бы до болѣзни и полнаго ослабленія, отецъ Іоаннъ былъ неизмѣнно бодръ и свѣжъ и производилъ впечатлѣніе человѣка, только что отдохнувшаго, освѣженнаго сномъ, подкрѣпленнаго пищей.

Посмотримъ теперь поближе, что дѣлаетъ отецъ Іоаннъ. Онъ расходуетъ до 100,000 руб. въ годъ и около 50,000 руб. отдаетъ Кронштадту. Здѣсь имъ воздвигнуто:

1) Убѣжище для призрѣнія сиротъ и дѣтское дневное пристанище.

Въ одномъ 1889 году состояло въ убѣжищѣ: дѣтей 3,759, что составляетъ, въ среднемъ выводѣ, по 14 человѣкъ въ

день. На порціи находилось: пенсіонеровъ — 9,160, приходящихъ — 3,759 и взрослыхъ—1,804, а всего—14,723.

Съ устройствомъ церкви въ „Домѣ Трудолюбія“ изъ дѣтей убѣжища, а также изъ учениковъ и ученицъ училища, образовался церковный хоръ.

2) Начальныя (безплатныя) училища.

Въ двухъ училищахъ и прибавленномъ къ нимъ параллельномъ классѣ обучалось въ 1889 г. по программѣ, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, мальчиковъ—64 и дѣвочекъ—72.

3) Амбулаторная лечебница для приходящихъ

предназначена для поданія медицинской помощи бѣднымъ людямъ, проживающимъ въ отдаленіи Морского госпиталя. Леченіе—безплатное, но болѣе достаточные больные вносятъ 20 коп., которыя и опускаютъ, въ присутствіи врачей, въ кружку.

Пользовавшихся въ лечебницѣ было за годъ: мужчинъ — 486, женщинъ — 355 и дѣтей—252, а всего 1,093 чел. Сравни-

тельно съ предыдущимъ 1885 годомъ на 429 челов. менѣе.

4) Пенькощипная мастерская.

Наибольшее число приходящихъ въ мастерскую совпадаетъ съ промежуткомъ времени между закрытіемъ и открытіемъ навигаціи, когда спросъ на валовой трудъ сильно ослабѣваетъ; наименьшее же число приходится на лѣтніе мѣсяцы. Тогда работаютъ, почти исключительно, однѣ женщины. Въ безработное время, по временамъ, въ мастерской появляются и хорошіе мастеровые, которыхъ почти всегда удавалось пристраивать на то или другое ремесло. Работа пенькощиповъ происходитъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, а иногда, по ихъ убѣдительной просьбѣ, и въ праздничные дни. Въ годъ работало 13,000 человѣкъ, сдѣлавшихъ до 46,000 пудовъ веревокъ и получавшихъ пропитаніе и содержаніе.

5) Сапожная мастерская

находилась въ дѣйствіи безпрерывно, со времени открытія „Дома трудолюбія“, и

за первые 3 года своего существованія принесла значительную пользу обученіемъ дѣтей.

6) Переплетная мастерская

послѣ продолжительнаго перерыва возобновлена 1-го сентября, до этого же времени, по невозможности найти мастера, была закрыта. Обучалось въ этой мастерской 13 мальчиковъ убѣжища.

7) Народныя чтенія

въ 1889 году происходили еженедѣльно и раздѣлялись на чтенія дневныя (безплатныя), имѣвшія предметомъ религіозныя поученія и объясненія воскресныхъ Евангелій, и чтенія вечернія, съ туманными картинами на различныя темы, по книгамъ и брошюрамъ, спеціально издаваемымъ для народа. Эти чтенія обязаны во многомъ ревностному поклоннику о. Іоанна морскому офицеру П. О. Якубовскому.

8) Народная кухня и столовая

находятся на содержаніи частнаго лица, обязаннаго, согласно заключенному съ нимъ условію отпускать приходящимъ бѣднымъ, по дешевой цѣнѣ, доброкачественную пищу.

9) Книжная лавка

предназначена для распространенія среди народа, по возможно дешевой цѣнѣ, полезныхъ для него книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія, а также образовъ и картинъ.

10) Ночлежный пріютъ

на 250 человѣкъ. Всего ночлежниковъ было: въ неплатные 3½ мѣсяца 15,455, а въ платные 2 мѣсяца 21,826, но изъ этого послѣдняго числа 8,150 человѣкъ были допущены въ пріютъ безвозмездно.

11) Призрѣніе бѣдныхъ женщинъ.

Этотъ видъ благотворительности вызывается необходимостью пріютить на

житье такихъ женщинъ, которыя, по старости своей или болѣзнямъ, не могутъ заработать себѣ насущнаго хлѣба.

12) Выдача пособій

деньгами, одеждой, обувью и проч. производится для многочисленныхъ бѣдныхъ, которые по положенію своему могутъ быть раздѣлены на 3 разряда: 1) получающихъ пособія отъ о. Іоанна, 2) получающихъ ежемѣсячныя пособія вообще и 3) получающихъ единовременныя пособія. Первые изъ нихъ—это исключительно старики, снабженные свидѣтельствами врачей о неспособности ихъ къ физическому труду и поддерживающіе свою жизнь прошеніемъ подаянія. Бѣдные этого разряда (233 человѣка) заносятся въ особый списокъ и являются 1-го числа каждаго мѣсяца за своей небольшой пенсіей (отъ 10 коп. до 1 р. 50 к.). Второй разрядъ преимущественно составляютъ престарѣлыя женщины и женщины, обремененныя семействомъ.

Всѣхъ такихъ бѣдняковъ до 7,000 человѣкъ.

Вслѣдствіе ли усиленныхъ занятій или

простуды о. Іоаннъ однажды тяжко занемогъ. Врачи опасались за его жизнь, но онъ славилъ Бога и былъ совершенно покоенъ.

Да, хвалить Бога тогда, когда другіе способны только роптать,—благодарить, когда другіе въ состояніи только унывать, скорбѣть,—да, это подвигъ великій. Если велико предъ Богомъ, когда дарятъ благо и чувствуютъ Его милость въ здоровомъ состояніи, то благодарить Его въ состояніи болѣзненномъ,—это самая высшая степень добродѣтели. Многіе и въ счастіи не хотятъ восхвалить Его, а тутъ хвалятъ Его въ несчастіи,—многіе забываютъ о Богѣ, когда Господь, видимо, ощутительно для всѣхъ проявляетъ свою любовь къ нимъ, а здѣсь помнятъ и ни на минуту не хотятъ забывать Его тогда, когда повидимому самъ человѣкъ совершенно забытъ Богомъ,—да, такое поведеніе въ болѣзни—это верхъ совершенства духовнаго,—тутъ спасеніе несомнѣнно. Скорѣе мать забудетъ отроче свое, чѣмъ Богъ такого терпѣливца, такого покорнаго, такъ горячо любящаго Его, такъ неизмѣнно преданнаго Ему. Когда въ болѣзни слышится не ропотъ, а хвала и

благодареніе Господу, это значитъ, что тутъ любовь къ Богу крѣпка, какъ мѣдь; союзъ со Христомъ тѣсенъ такъ, что никто и ничто расторгнуть его не можетъ,— тутъ лжи ни малѣйшей, тутъ истинная добродѣтель. Такому человѣку остается только ждать награды.

Долго длилась болѣзнь о. Іоанна. И вотъ что самъ пастырь говорилъ о своей болѣзни:

„Подлинно, Самъ Богъ указываетъ наивѣрнѣйшій путь въ царствіе небесное, когда посылаетъ продолжительныя болѣзни избранникамъ своимъ. Болѣзни очень спасительны для насъ въ нашемъ состояніи. Никогда мы не можемъ такъ легко избѣжать многихъ грѣховъ, какъ въ болѣзни. Какіе грѣхи всего болѣе безпокоятъ насъ? Самолюбіе, своекорыстіе, сладострастіе, чревоугодіе. Но скажите: чѣмъ будетъ гордиться больной? Не смиренное ли сознаніе своихъ немощей, не надежда ли на Единаго Бога, Помощника слабыхъ и немощныхъ, всего приличнѣе ему въ его положеніи? Чревоугодіе, сладострастіе? но не замираютъ ли они совсѣмъ въ больномъ и разстроенномъ организмѣ страдальца? Возьмемъ чело-

вѣка, страждущаго лишеніемъ зрѣнія. Великое несчатіе! Но при этомъ несчастіи не обладаетъ ли онъ нѣкоторою долею счастія? Не можетъ ли онъ считать себя вполнѣ свободнымъ отъ грѣховъ неосторожнаго воззрѣнія на предметы соблазнительные, порождающіе въ душѣ зрителя или зависть, или похоть вредную. А страждущій лишеніемъ слуха отъ скольких грѣховъ дѣлается свободнымъ именно потому, что онъ не имѣетъ возможности слышать многое такое, что возмущаетъ духъ, оскверняетъ умъ и сердце. Да, если когда, то въ болѣзни всего менѣе у насъ возможности ко грѣху, въ болѣзни всего болѣе средствъ убѣгать его. Правда, у всякаго больного остается возможность погрѣшать словомъ, мыслями, желаніями,—но трудно держать долго грѣховныя помышленія, когда не видится надежды на ихъ осуществленіе, и рѣдко порождаются они, когда умъ скорѣе устремляется на другое, погружается въ размышленіе о скоротечности жизни, о суетности всего земного, когда онъ ищетъ болѣе прочнаго, постояннаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Да, никогда такъ ясно не чувствуется пустота всѣхъ временныхъ

исканій, стремленій, всѣхъ земныхъ радостей, грѣховныхъ наслажденій — никогда, какъ на одрѣ болѣзненномъ. Только одни закоснѣлые во грѣхахъ не приходятъ къ такимъ размышленіямъ и не оставляютъ въ болѣзни любви къ радостямъ мірскимъ—не чистымъ.

Поученія о. Іоанна.

Выше мы помѣстили біографію о. Іоанна Кронштадтскаго. Теперь познакомимъ читателей съ избранными мыслями, и изреченіями о. Іоанна, извлеченными по большей части изъ „Дневника“ о. Іоанна, который почтенный пастырь ведетъ втеченіе всей своей 35-ти лѣтней пастырской дѣятельности. Этотъ дневникъ представляетъ изъ себя какъ-бы летучія замѣтки, которыя отецъ Іоаннъ заносилъ въ свои тетради впродолженіе своего служенія церкви Божіей. Онъ ничего не говоритъ здѣсь лично о себѣ,—и, однако, его богато одаренная Богомъ природа проявляется въ этихъ замѣткахъ во всей своей чистотѣ и силѣ.

Вотъ какъ опредѣляетъ самъ о. Іоаннъ

значеніе и характеръ „Дневника“ *). „Сила Моя въ немощи совершается, говоритъ Господь, и гдѣ умножился грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать, говоритъ великій Апостолъ. Эта сила и эта благодать Господня и во мнѣ немощномъ и грѣшномъ воспреизбыточествовали во всѣ дни жизни моей, съ ранней юности до настоящихъ дней, и проявлялись осязательно въ чудномъ озареніи души моей свѣтомъ покаянія и молитвы, въ умиленіи сердца и чистыхъ, горячихъ, животворныхъ и сладкихъ слезахъ, скверну сердца очищающихъ. Я старался всегда совершать домашнее и общественное Богослуженіе съ яснымъ и глубокимъ пониманіемъ его смысла, съ сильнымъ и горячимъ чувствомъ, съ миромъ въ душѣ. Но есть сильные враги молитвы: это, во-первыхъ, наши страсти житейскія и начальства и власти тьмы, духи злобы поднебесной, о коихъ Апостолъ говоритъ въ своемъ посланіи „наша брана не съ плотію и кровію, но съ начальствами и властями тьмы, съ ду-

---

*) «Русскій Паломникъ» 1891 г. № 1-й.

хами злобы поднебесными“. Съ этими всезлобными врагами молитвы всякой правды мнѣ и приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу на животъ и на смерть съ самаго начала моего священническаго служенія, потому что священникъ, по самому сану своему и званію, есть Божій ратоборецъ, облеченный во всеоружіе Божіе для непрестанной, невидимой брани съ невидимыми легіонами злыхъ духовъ, нападающихъ рано и поздно на оружника Христовой вѣры съ пламенными стрѣлами злобы своей, съ тонкостью, хитростью, быстротою и силою многовѣковой своей падшей духовной сильной природы. Но такъ какъ священникъ есть также падшій, грѣшный, многострастный, легкоуязвимый съ разныхъ сторонъ своей внутренней жизни и въ этомъ заключается слабая его сторона или слабыя его стороны при веденіи духовной борьбы съ міродержателями тьмы вѣка сего, то я съ самаго начала моего священнослуженія долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ, всеблагій, руки мои на ополченіе и персты мои на брань, невидимую, упорную, оже-

сточенную брань. И я не оставленъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани: я возводилъ очи мои, полныя слезъ, къ небу, откуда всегда приходила мнѣ помощь, хоть часто не вдругъ и не скоро, по причинѣ бывшей неопытности въ искушеніяхъ на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія невидимыхъ враговъ, и такимъ образомъ пріучилъ себя почти къ непрестанному духовному созерцанію и тайной молитвѣ и всегдашнему благодаренію Господа за ниспосылаемую мнѣ помощь въ духовной войнѣ; ибо съ помощію Божіею я всегда, въ концѣ концовъ, выходилъ побѣдителемъ изъ нея, хотя при началѣ моего служенія бывалъ часто побѣждаемъ коварствомъ и хитростію безплотныхъ враговъ. При такомъ характерѣ моей внутренней жизни Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ, внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей касательно молитвы вообще и разныхъ предметовъ вѣры и жизни христіанской; и я старался не пропускать ихъ безъ особеннаго вниманія и записы-

валъ ихъ въ свой дневникъ. Такимъ образомъ составилось втеченіе тридцати пяти лѣтъ много рукописныхъ замѣтокъ моихъ объ этихъ предметахъ, которыя я осмѣливаюсь предложить, въ извлеченіи, вниманію почтенной публики. Это — самыя бѣглыя, летучія замѣтки, писанныя на всякомъ мѣстѣ то карандашомъ, то чернилами. Прошу не взыскать за то, что было писано для себя, а не на показъ кому-либо".

И здѣсь о. Іоаннъ проявляетъ свою скромность, которая составляетъ его отличительную черту всей дѣятельности.

И, не смотря на эти оговорки, какъ увидятъ читатели, въ „летучихъ" замѣткахъ о. Іоанна слишкомъ много глубокаго смысла, сильнаго духа и крѣпко одушевленной вѣры! Мы должны, однако, оговориться, что въ настоящемъ выпускѣ помѣщаемъ мысли о. Іоанна, почерпнутыя не только изъ его дневника, но изъ поученій, проповѣдей, рѣчей и т. д.

Приведемъ прежде всего рѣчи, сказанныя о. Іоанномъ въ дни своего 25-тилѣтняго и 35-ти-лѣтняго юбилеевъ. Эти рѣчи очень характерны.

I. 25-тилѣтіе (1880 годъ).

«*Сила Божія въ немощи совершается*,— и она дивно совершалась во мнѣ впродолженіе 25-лѣтняго священствованія моего, и, дерзну сказать,—ибо скажу истину,—черезъ меня совершалась во многихъ, въ простотѣ вѣрующихъ, очевиднымъ, осязательнымъ образомъ Слава благодати! Слава Господу Іисусу Христу, *даровавшему намъ благодать на благодать* (Іоанн. 1, 16). Говорю вамъ объ этой силѣ Божіей во мнѣ для того, чтобы вы вмѣстѣ со мною прославили великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Коего благодать и милость не оскудѣваютъ и нынѣ, какъ не оскудѣютъ до вѣка. Кто исчислитъ за все это время бездну спасенія Божія, совершавшагося во мнѣ благодатію Христовою всякій день и—многократно! Не могу исчислить безчисленнаго множества козней міродержца, и приступовъ страстей, разрушенныхъ милостію и силою Христовою во мнѣ, по моей тайной молитвѣ вѣры, ради сердечнаго покаянія и особенно— силою Божественнаго Причащенія! Какой ангельскій многообъемлющій умъ про-

чтетъ всѣ тайные дары Божіи,—благодатные дары милости, очищенія, освященія, просвѣщенія, мира, умиленія, свободы и пространства душевнаго, радости въ Духѣ Святомъ, дерзновенія и силы, и многоразличной помощи, коихъ я невидимо сподоблялся во всѣ дни моего священствованія! Не могу исчислить безчисленнаго множества врачеваній благодатныхъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, совершенныхъ во мнѣ Господомъ, черезъ сердечное призываніе Имени Его. Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему эту славу. Только Имъ и о Имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него—немощенъ".

. . . .

2. 35-тилѣтіе (1890 годъ).

„Что значитъ, возлюбленные братія и сестры, это необычное въ будничный день торжественное собраніе ваше въ этомъ святомъ храмѣ, посвященномъ имени первозваннаго Апостола Христова? Что собрало васъ въ этомъ святилищѣ?

Не обинуясь скажу, что васъ соединила и собрала вѣра и любовь ваша къ Богу, а послѣ Бога и ко мнѣ, какъ служителю Его. По невыразимой милости Господа Бога ко мнѣ грѣшному и безмѣрному Его долготерпѣнію, мнѣ суждено дожить до дня, въ который исполнилось тридцать пять лѣтъ служенія моего въ санѣ священника при этомъ храмѣ. Вы по снисходительной любви своей ко мнѣ сочли не безплоднымъ для церкви Божіей и для васъ этотъ не малый кругъ времени и пришли вмѣстѣ со мною возблагодарить Творца временъ за неисчетныя милости Его ко мнѣ и къ вамъ, явленныя втеченіе стольких лѣтъ чрезъ мое посильное служеніе Господу и вамъ и просить продолженія ихъ въ будущемъ.

„И такъ, сегодня у насъ скромное торжество вѣры Церкви, торжество священства, пастырства и паствы, торжество братскаго единодушія и христіанской любви. Значитъ, и на нашемъ дворѣ праздникъ, по присловію русскому. Слышимъ или читаемъ часто о праздникахъ разныхъ учрежденій и праздникахъ людей науки, искусства, разныхъ общественныхъ служеній, а нынѣ праздникъ цер-

ковный. Благодарю всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ моимъ Господа за его милости ко мнѣ, а вамъ всѣмъ мой сердечный поклонъ за братскую во Христѣ любовь. Вы въ лицѣ моемъ воздаете честь священному сану, коимъ почтила благодать Христова подобныхъ вамъ, немощныхъ по природѣ людей, въ томъ числѣ и меня. Честь, воздаваемая вами мнѣ нынѣ, восходитъ къ Самому вѣчному Первосвященнику, Господу нашему Іисусу Христу, за насъ святившему Себя и принесшаго Самаго Себя въ жертву за насъ Отцу Своему небесному, ибо священство мое и всѣхъ освященныхъ есть Христово священство: истинный, вѣчный священникъ одинъ—Христосъ, и въ лицѣ нашемъ священствуетъ Онъ Самъ вѣчный Первосвященникъ по чину Мелхиседекову. Христе Боже, Ты Самъ прослави прославляющихъ насъ, Твоихъ священниковъ, на землѣ; а намъ, священникамъ, даруй благодать достойно проходить высочайшее служеніе священства и самимъ всегда освящаться и другихъ освящать и спасать данной намъ благодатью.

„Вы собрались, возлюбленные братія, почтить меня недостойнаго дарами и по-

хвалами. Благодарю сердечно за эти священные дары, разумѣю иконы и хоругвь святую, а похвалу вашу какъ я приму? Я, по слову и наставленію Христову, семь рабъ непотребный, сдѣлавшій только то, что должно было сдѣлать, при пособіи благодати, данной мнѣ Господомъ. Да и сдѣлалъ-ли я все что долженъ былъ сдѣлать? По совѣсти скажу, нѣтъ; много недоставало въ моемъ служеніи по внутреннему человѣку и, вообще, служеніе мое было не безъ недостатковъ. Мой долгъ сознавать это и просить снисхожденія къ моимъ недостаткамъ и милости у Господа, да и у васъ снисхожденія къ моимъ немощамъ. Но желаю всѣмъ сердцемъ святыни и совершенства, и буду всѣми силами, съ помощію Божіею, стремиться къ исправленію и совершенству, ибо намъ сказано: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48).

Господи! имя Тебѣ—Любовь: не отвергни меня заблуждающаго человѣка. Имя Тебѣ—Сила: подкрѣпи меня изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти мою душу, омраченную житейскими страстьми. Имя Тебѣ—Миръ:

умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ— Милость: не преставай миловать меня.

Я молюсь иногда въ церкви о людяхъ Божіихъ такъ: Вотъ, многіе изъ предстоящихъ въ храмѣ Твоемъ стоятъ праздны душами своими, какъ сосуды праздные, и о чесомъ помолиться, якоже подобаетъ, не вѣдятъ; исполни Ты ихъ сердца нынѣ, въ это время для нихъ благопріятное, въ этотъ день спасенія, благодатію Всесвятаго Духа Твоего, и даруй ихъ мнѣ, молитвѣ моей, любви моей, исполненныхъ познаніемъ благостыни Твоей и сокрушенія и умиленія сердечнаго, какъ наполненные сосуды; даруй имъ Духа Святаго Твоего, ходатайствующаго въ нихъ воздыханіи неизглаголанными. Я самъ, пастырь, грѣшенъ и нечистъ паче всякаго человѣка, но не призри на грѣхи мои, Владыко, а призри ихъ по великой милости Твоей, и молитву мою, ради благодати Священства, на мнѣ лежащей и во мнѣ пребывающей, услыши въ часъ сей; да не будетъ во мнѣ, Господи, праздна благодать Священства, но да говоритъ она во мнѣ всегда вѣрою, надеждою, любовію

и сыновнимъ дерзновеніемъ молитвы о людяхъ Твоихъ.

Владыко! слезную молитву мою о духовныхъ чадахъ моихъ и всѣхъ благоугождающихъ Тебѣ христіанахъ православныхъ пріими за самое попеченіе мое объ ихъ спасеніи, за мою заботу пастырскую! Будь, по молитвѣ моей, Самъ Ты для нихъ и гласомъ, и трубою, пробуждающею отъ сна грѣховнаго, и окомъ, надзирающимъ за ихъ сердцами, и рукою, подкрѣпляющею ихъ на пути къ горнему отечеству и возставляющею падающихъ отъ маловѣрія, малодушія и унынія, и любовію материнскою, которою скуденъ я, нѣжно заботящеюся о ихъ истинномъ благѣ; буди имъ вся, да всяко нѣкія спасеши. Ты бо Единъ еси воистину, Пастырь, самыя души человѣческія невидимо и сокровенно пасущій, Ты единый истинный и премудрый Учитель, глаголящій въ самыя сердца людей Твоихъ; Ты еси единъ истинный Любитель Своихъ созданій и чадъ по благодати; у Тебя и Премудрости и Всемогущества бездна.— Ты единъ присно Бодрый и Неусыпающій и въ самомъ снѣ насъ поучающій путямъ Твоимъ.—Буди убо Ты, Владыко,

вмѣсто меня пастырь и учитель ввѣреннымъ отъ Тебя мнѣ овцамъ Твоимъ; Самъ води ихъ на пажити злачныя; Самъ охраняй ихъ отъ волковъ духовныхъ и плотскихъ.—Самъ направи ноги ихъ на путь истины, правды и мира. Буди вмѣсто меня для нихъ и свѣтомъ, и окомъ, и устами, и рукою, и премудростію, паче же всего любовію, ею же скуденъ азъ многогрѣшный.

*** Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, обращается онъ къ прихожанамъ въ первый день своего служенія литургіи въ Андреевскомъ Кронштадтскомъ соборѣ; чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодати и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это—любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братья мои. Любовь — великая сила, продолжаетъ онъ, она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ и малаго великимъ. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее ко мнѣ Духомъ Своимъ

Святымъ. Прошу о семъ вашихъ молитвъ. (*Изъ поученія*)

*** Молитвою часто называютъ то, что вовсе не есть молитва,—сходилъ въ церковь, постоялъ, посмотрѣлъ на иконы, или прежде на людей, на ихъ лица, наряды, говоритъ: помолился Богу; постоялъ дома предъ иконою, покивалъ головою, проговорилъ заученныя слова безъ пониманія и сочувствія, говоритъ: помолился Богу, хотя мыслями и сердцемъ вовсе не молился, а былъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ съ другими лицами и вещами, а не съ Богомъ. («*Изъ Дневника*»).

*** Мы видимъ, что современный человѣкъ упалъ крайне глубоко, весь погрузился въ чувственность, связалъ всего себя житейскими страстями и чувственными удовольствіями, извратилъ порядокъ жизни, указанный Творцемъ, и, такимъ образомъ, не только не слѣдуетъ Божественному плану спасенія нашего, но, насколько этотъ планъ касается его, разрушаетъ оный. Посмотрите со вниманіемъ на жизнь современнаго человѣка, какъ она неестественна, какъ нехристіански препровождается. Посмотрите, какъ онъ извратилъ самыя наслажденія

чувственныя! Для обонянія и вкуса и отчасти для самаго дыханія онъ изобрѣлъ и воскуряетъ острый, пахучій дымъ, принося это, какъ бы постоянное кадило, демону, живущему во плоти, заражаетъ этимъ дымомъ воздухъ жилища своего и воздухъ внѣшній. Чрево стало идоломъ: постовъ многіе совсѣмъ не держатъ, считая ихъ тягостными; пированіе и пьянство сдѣлались явленіями постоянными; деньги стали положительно современнымъ кумиромъ, и для легкаго пріобрѣтенія ихъ люди, не пренебрегаютъ никакими средствами, какъ бы они ни были неблагородно - нечестны; всѣ помыслы, работы, забавы, въ томъ числѣ и игры, словомъ, удовольствія, искательства, намѣренія, предпріятія, даже ученія направлены къ землѣ; о небѣ, о небесномъ званіи, о небесномъ ученіи и житіи во многихъ домахъ нѣтъ и помину. Человѣкъ-христіанинъ, гдѣ ты? Какъ ты глубоко ниспалъ. Въ какую ты тьму зашелъ самъ добровольно?

⁂ Молящійся! Имя Господа, или Богоматери, или Ангела, или Святаго, да будетъ тебѣ вмѣсто Самого Господа, Богоматери, Ангела и Святаго; близость

слова твоего къ твоему сердцу да будетъ залогомъ и показаніемъ близости къ твоему сердцу Самого Господа, Пречистой Дѣвы, Ангела или Святаго. — Имя Господа есть Самъ Господь — Духъ вездѣсый и все наполняющій, имя Богоматери есть Сама Богоматерь, имя Ангела — Ангелъ, Святаго Святый.—Какъ это? Не понимаешь?—Вотъ какъ: тебя положимъ, зовутъ Иванъ Ильичъ. Если тебя назовутъ этими именами, вѣдь ты признаешь себя всего въ нихъ и отзовешься на нихъ, значитъ согласишься, что имя твое—ты самъ съ душою и тѣломъ, —такъ и Святые: призови ихъ имя, ты призовешь ихъ самихъ. Но у нихъ, скажешь, нѣтъ тѣла. Что же изъ этого? Тѣло только вещественная оболочка души, домъ ея, — а самъ человѣкъ, сущность человѣка, или внутренній человѣкъ его, есть душа. Когда и тебя зовутъ по имени, не тѣло твое отзывается, а душа твоя, посредствомъ тѣлеснаго органа.

⁂ Сначала исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ Св. Дарамъ...

⁂ Гдѣ нѣтъ тайнъ? человѣкъ самъ для себя—и въ своей душѣ, и въ своемъ тѣлѣ — есть тайна. Есть безчисленное

множество тайнъ и въ окружающей насъ природѣ: человѣкъ такъ мало знаетъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего еще не знаетъ, —не смотря на успѣхи современныхъ естественныхъ наукъ,—что каждый изъ насъ долженъ смиренно сознаться вмѣстѣ съ однимъ изъ древнихъ мудрецовъ въ томъ, что мы знаемъ лишь только то, что ничего не знаемъ.

⁂ О, чудо чудесъ! Богъ, содержащій вселенную всю словомъ Своимъ, сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка вознести на первое блаженство. *Ужасеся о семъ небо и земли удивишися концы,* поетъ Христова церковь, *яко Богъ явися человѣкомъ плотскимъ.*

⁂ Какъ близка къ тебѣ твоя мысль, какъ близка вѣра къ твоему сердцу, такъ близокъ къ тебѣ Богъ, и чѣмъ живѣе и тверже мысль о Богѣ, чѣмъ живы вѣра и познаніе своей немощи и ничтожества и чувство нужды въ Богѣ, тѣмъ Онъ ближе. Или, какъ близокъ воздухъ къ тѣлу и къ внутренностямъ его, такъ близокъ Богъ. Ибо Богъ, такъ сказать, мысленный воздухъ, которымъ дышатъ всѣ Ангелы, души Святыхъ и души людей живущихъ, особенно благочестивыхъ. Ты не можешь жить безъ Бога ни ми-

путы, и дѣйствительно каждую минуту живешь Имъ: о Немъ же бо живемъ и движимся и существуемъ.

*** Молитва постоянное чувство своей духовной нищеты и немощи, созерцаніе въ себѣ, въ людяхъ и въ природѣ дѣлъ премудрости, и всемогущей славы Божіей, молитва—постоянно благодарственное настроеніе.

*** Когда врагъ приразится къ сердцу сомнѣніемъ въ какомъ-либо Словѣ Спасителя и уязвитъ тебя, скажи ему внутренно; каждое Слово Бога моего Іисуса Христа есть жизнь для меня и ядъ сомнѣнія извергается изъ сердца, и спокойно и легко будетъ на душѣ.

*** Отчего міръ гонитъ истинную вѣру, благочестіе, правду, которыя столь благотворны для людей, внося въ разрозненныя общества человѣческія — единство, взаимную любовь, добрые нравы, миръ, порядокъ? Оттого, что *міръ весь во злѣ лежитъ* (Іоан. 5, 19), люди *возлюбили злобу паче благостыни* (Псал. 51, 5) и князь міра сего, діаволъ, дѣйствующій, въ сынахъ противленія, ненавидитъ правду адскою ненавистью и гонитъ ее, такъ

какъ она служитъ обличеніемъ неправды, колетъ ей глаза, стѣсняетъ ее.

⁂ Когда же приразится сомнѣніе въ какомъ-либо Словѣ или изреченіи церковномъ, въ дѣйствіи, въ обрядѣ, скажи ему опять внутренно Слово Спасителя о Церкви: Егда пріидетъ Онъ, Духъ Истины, Той наставитъ вы (Апостольскую Церковь, или насажденную и распространенную, особенно Пастырей и Учителей) на всяку истину и вѣрь твердо, что ,по обѣтованію Спасителя, въ Церкви пребываетъ въ вѣкъ духъ Святый и наставляетъ ее на всяку истину: значитъ, въ ней все истинно и спасительно, оттого она называется столпомъ и утвержденіемъ Истины. Въ церковныхъ книгахъ, въ изреченіяхъ Св. Отцовъ и Учителей Церкви, вездѣ дышетъ Духъ Христовъ, Духъ истины, любви, спасенія.

⁂ Что значитъ просвѣщеніе научное безъ либви христіанской?—Ничто. *Мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ.* Смирись кичливый умъ предъ ученіемъ Евангелія и предъ нищетою Христовою. сойди съ своего пьедестала, стань пониже, подойди къ этимъ бѣднымъ, коихъ самъ Христосъ не стыдится назвать

Своею братіею и протяни имъ руку помощи; не себѣ только собирай, не свои только прихоти удовлетворяй, — а и въ Бога богатѣй дѣлами добрыми, которыя и по смерти пойдутъ вслѣдъ за тобою.

⁂ Если сердце и мысли твои въ согласіи со вселенскимъ вѣрованіемъ и съ заповѣдями Божіими, то непремѣнно ты имѣешь тогда тѣлесную связь съ Богомъ и съ нимъ сходство, потому что Богъ есть духовная, мысленная, личная Сущность; но если сердце твое и помышленія твои въ чемъ либо измѣняютъ сознательно вселенской вѣрѣ и заповѣдямъ Божіимъ, или словамъ Евангелія, предписывающимъ правила христіанской жизни, то твое соединеніе съ Богомъ разрывается и твое сердце вступаетъ въ гибельную связь съ врагомъ истины и жизни — діаволомъ.

Богъ есть любовь и болѣе всѣхъ всесожженій и жертвъ требуетъ отъ насъ любви взаимной, любви, которая *долго терпитъ, милосердствуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла... все покрываетъ, всему вѣритъ, все переноситъ и никогда не перестаетъ.* Весь законъ Божій

состоитъ въ двухъ словахъ: люби Бога и ближняго.

⁂ Когда молишься небеснымъ Силамъ, не представляй ихъ очень грозными.

⁂ Таланты, данные каждому изъ насъ Богомъ для общаго блага, а не для угожденія только нашему собственному самолюбію, развѣ не побуждаютъ насъ къ услугѣ нашимъ собратіямъ въ ихъ нуждѣ? Тебѣ оставленъ нищій... хотя ты и слишкомъ надменно проходишь мимо него. Вразумись чужими бѣдами. Дай хотя самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто нуждается, — и для Самого Бога, если подаяніе будетъ по силѣ.

⁂ Не все ли Я для тебя, Я Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ—Богъ твой, животъ твой, покой твой, радость и блаженство твое?—Твое богатство, твоя пища и питіе, твое одѣяніе и все твое?—Къ чему же ты прилѣпляешься? Къ праху-ли? Чего ты жалѣешь для Меня въ лицѣ ближняго? Праха-ли? Для меня-ли, все сотворившаго, Для меня ли, Который могу землю и камни претворить въ хлѣбы, воду источить изъ камня?—Будь всегда

со Мною и во Мнѣ, и будешь всегда спокоенъ и веселъ.—Пострадало-ли когда твое упованіе на Меня? Не всегда ли Я успокоивалъ и оживотворялъ тебя?

*** Для чего сошелъ сынъ Божій на землю? — Для того, чтобы спасти насъ, для возстановленія въ насъ падшаго образа Божія, Сынъ Божій сталъ Сыномъ человѣческимъ... для того, чтобы насъ сдѣлать сынами Божіими изъ чадъ гнѣва и погибели. О, неизреченная любовь Божія! о, несказанныя щедроты Господни!— Онъ Преблагій сдѣлалъ это: Онъ освободилъ человѣчество въ избранныхъ Своихъ, очистилъ отъ всякой скверны плоти и духа, освятилъ, прославилъ, возвелъ отъ тлѣнія къ жизни вѣчной, удостоилъ блаженнаго предстоянія страшному Престолу Славы своей.

*** Дивное дѣло! когда сердце посредствомъ живой вѣры соединено съ жизненнымъ началомъ — Духомъ Святымъ, тогда оно покойно, пространно и мысль тогда свободна и свѣтла, и языкъ свободенъ и плавно ровенъ; но лишь только мысленно пожалѣетъ человѣкъ въ это время для брата своего чего нибудь вещественнаго, напримѣръ: пищи, денегъ,

вспомнивши о какомъ нибудь братѣ, ищущемъ его пищи, сердце его мгновенно поражается духовной апоплексіей, бываетъ связано. удручено; мысль также связывается вслѣдствіе пораженія сердца—источника мысли и темнѣетъ, языкъ—тоже, кровь принимаетъ усиленное обращеніе и дѣлаются приливы въ головѣ, весь человѣкъ бываетъ въ стѣснительномъ, ненормальномъ положеніи.—Такъ достойно наказывается пренебреженіе наше въ духовной сторонѣ нашего брата; такъ достойно наказывается привязанность наша къ вещественности! Слава правдѣ Твоей, Господи!

⁂ Господи Іисусе Христе Боже нашъ,—иже нашего ради спасенія изволивый плоть носити, да прославиши чудно словесное естество, неизреченнымъ Твоимъ благоутробіемъ и благостью и иже во истинномъ познаніи обращающіеся изъ глубины грѣховныя, простити обѣщаяй.

Благій Человѣколюбче, иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, послѣди же сего неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего и раба грѣху бывша воспріе-

мый и освѣтивый, яко да не погибнетъ до конца дѣло руку твоею, давый же сему и своя спасительныя заповѣди въ память Твоего пришествія и твоихъ повелѣній, и Божественнаго вочеловѣченія...

⁂ Какъ комнатный воздухъ имѣетъ тождество съ внѣшнимъ и отъ него происходитъ, какъ онъ необходимо предполагаетъ наружный, всюду разлитый воздухъ, такъ и души наша—дыханіе Духа Божія предполагаетъ существованіе вездѣсущаго и вся исполняющаго Духа Божія. Параллель между хравинами вещественнаго и храминами духовными.

⁂ Есть-ли и теперь поношенія и гоненія за правду, за вѣру Христову? Есть, и будутъ до скончанія міра, потому что не пришло еще Царствіе Божіе во всей силѣ для многихъ, а для большей части еще совсѣмъ не пришло. Еще много нечестія и неправды въ самыхъ христіанскихъ обществахъ, еще не связанъ сатана и свободно обходитъ землю: теперь-то, кажется, онъ наиболѣе свирѣпствуетъ на держащихся правой вѣры. Только теперь онъ гонитъ не пытками, не козпями, а невѣріемъ, мнимымъ прогрессомъ,

либеральностью и т. д. Благочестивыхъ людей нынѣ обзываютъ именами ханжей, рутинеровъ, людей отсталыхъ, съ узкими взглядами; вѣру христіанскую называютъ вѣрою черни; христіанскую сострадательность—слабодушіемъ и нервною раздражительностью; милостыню — глупою расточительностью; наружную молитву—лицемѣріемъ; услажденіе и радость молитвенную—идіотствомъ, едва не сумашествіемъ. Напротивъ, широкую разнузданность плоти и угожденіе всѣмъ ея безчисленнымъ похотямъ—современнымъ прогрессомъ.

⁂ Однажды навсегда знай, что въ церкви, во всѣхъ ея службахъ, таинствахъ и молитвословіяхъ дышетъ духъ святыни, духъ міра, духъ жизни и спасенія, а это свойственно только Духу Святому. Святыя помышленія, или слова жизни и истины, легко отличить отъ помысловъ и словъ лжи и смерти; первыя приносятъ въ душу миръ и жизнь; послѣднія—томленіе, безпокойство, смерть духовную.—Мудрованіе плотское—смерть есть; а мудрованіе духовное — животъ и миръ.

⁂ Пріидите же, подобные мнѣ, грѣш-

ники ко Христу Спасителю съ вѣрою и покаяніемъ не лицемѣрнымъ, и Онъ дастъ вамъ миръ.—Я самъ подвергался многократному, разрушительному и смертоносному мятежу страстей: и всякій разъ, чрезъ сердечное покаяніе, получалъ отъ Господа избавленіе. Кайтесь же; кайтесь, грѣшники и грѣшницы! Позаботимся же о стяжаніи святости, какъ говорилъ Самъ Господь. „Святи будете, якоже Азъ святъ есмь Господь Богъ вашъ“... Кайтесь, кайтесь!..

⁂ Если все твое благо будетъ общимъ съ ближнимъ, то все Божіе будетъ съ тобою. „Аще же хощете, просите, и будетъ вамъ. Моя вся Твоя суть, Твоя—Моя“.

⁂ Всячески почитай, лики человѣковъ живыхъ, да почитаешь, какъ должно, ликъ Божій. Ибо ликъ Господа Іисуса Христа есть ликъ человѣческій. — Неуважающій лика человѣческаго, не уважитъ и лика Божія.

⁂ Много разъ я, смиренный и грѣшный, прогонялъ отъ себя невидимыхъ злодѣевъ. Если страсть какая достигнетъ до моего сердца, я тотчасъ-же обращу мысленный взоръ ко Христу, и съ жи-

вою вѣрою изображу на себѣ знаменіе креста: страсть тотчасъ исчезнетъ и внутренній огонь, неразлучный спутникъ всякой страсти, также исчезнетъ. Но, и тогда, увы! страсти увлекаютъ меня на нѣкоторое время и только муки ихъ внутренно претерпѣваемыя; заставляютъ меня искренно обратиться ко Христу и животворящему его Кресту. Такъ крестъ, возлюбленные,—побѣда моя надъ невидимыми врагами. Куда не могу проникнуть я для прогнанія ихъ, туда проникаетъ мой Христосъ въ образѣ креста Своего и за меня совершаетъ желаемую побѣду. Дивенъ во мнѣ Господь, дивенъ Его Крестъ животворящій! Сила Божія въ немощи моей совершается.

⁂ Врагъ ежедневно сильно гонитъ мою вѣру, надежду и любовь. — Гонятъ тебя, моя вѣра! Гонятъ тебя, моя надежда! Гонятъ тебя, моя любовь! Терпи вѣра, терпи надежда, терпи любовь! Мужайся вѣра, мужайся надежда, мужайся любовь! — Богъ вашъ поборникъ! — Не ослабѣвай вѣра, не ослабѣвай надежда, не ослабѣвай любовь!

⁂ „Чего не въ силахъ сдѣлать мы, то силенъ сдѣлать Богъ, который и звѣр-

ское сердце можетъ сдѣлать агнчимъ". Кто позналъ всю важность мира въ жизни человѣка — церковной, гражданской, семейной, естественной и благодатной, и крайній вредъ несогласія и раздора, отъ которыхъ все приходитъ въ разстройство, тотъ всѣми мѣрами будетъ стараться и самъ поступать со всѣми согласно и будетъ дѣйствовать сохраненію мира и согласія между людьми: *«въ миръ бо призва насъ Господь»*.

⁂ Всемогущая сила Божія, сущая и дѣйствующая во всемъ мірѣ, сосредоточивается, подобно тому, какъ солнечные лучи собираются въ фокусѣ или на стеклѣ, въ святыхъ иконахъ. Сосредоточеніе Силы Божіей особенно бываетъ въ разумномъ образѣ Божества—въ человѣкѣ, именно въ сердцѣ его, исполненномъ вѣры, надежды и любви, какъ въ фокусѣ; въ немъ-то отражается свѣтомъ Своимъ Солнце Правды, Тріvпостасный Богъ нашъ съ обиліемъ даровъ Своихъ по мѣрѣ вѣры каждаго,—согрѣвая и освѣщая душу каждаго.

⁂ Весьма многіе приходятъ па духъ съ совершеннымъ равнодушіемъ и, еслибы у нихъ не спросили ничего, то они

ничего-бы и не сказали, или сказали только вообще, что-де грѣшенъ, отецъ духовный, во всѣхъ грѣхахъ. И если-бы еще это сказали съ сердечнымъ сознаніемъ своей вины,—нѣтъ, то и горе, что безъ сознанія грѣховъ своихъ, а такъ — чтобы скорѣе кончить дѣло. Возлюбленные! не будемъ дѣло крайняго милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ обращать въ поводъ къ гнѣву Божію. Что мы за безчувственные такіе! Намъ-ли не о чемъ поскорбѣть на исповѣди! мало-ли у насъ грѣховъ: если-бы мы и всю жизнь свою стали плакать о грѣхахъ своихъ, — и тогда-бы не сдѣлали ничего лишняго, а только должное.

⁂ Забуду-ли я Тебя Господи, Невидимый, Непостижимый Господи, исполняющій присно сердце мое жизнію, свѣтомъ, миромъ, радостію, силою, терпѣніемъ, Тебя, Который бываешь для меня всякимъ благомъ въ моей жизни и Единъ составляешь жизнь мою?—О! не дай мнѣ забыть Тебя!

⁂ Чистое сердце есть обильный источникъ спокойствія и всегдашней радости: при взглядѣ на все доброе, на всякое твореніе Божіе, чистый сердцемъ

и радуется, и веселится внутренно, потому что во всѣхъ тваряхъ усматриваетъ отпечатокъ благости, премудрости и всемогущества Творца; блаженъ онъ и самъ въ себѣ, ибо и чистота сердца и вообще чувствуемая настоящая милость Божія веселитъ его, и еще болѣе утѣшаетъ его будущія обѣтованныя блага, «*ихъ же око не видѣ и ухо не слыша*».

⁂ Иконы требуются нашею природою. Можетъ-ли природа наша обойтись безъ образа? Можно-ли вспомнить объ отсутствующемъ, не вообразивъ его? Не Самъ-ли Богъ далъ намъ способность воображенія?—Иконы—отвѣтъ Церкви на вопіющую потребность нашей природы.

⁂ Что тебѣ за польза отъ лакомой пищи и напитковъ, какъ тебѣ не стыдно обременять себя ими? Зачѣмъ ты отдаешь себя во власть чувственности? Или тебѣ это пріятно? Смотри: мнимая сладость твоихъ удовольствій—есть опасная приманка плоти. Бойся этой приманки; если хочешь быть съ Богомъ, если хочешь быть вѣчно благополучнымъ, то ты долженъ согласиться, что тебѣ надобно попоститься душою своею, со-

брать свой умъ, помышленія исправить, мысли очистить, вмѣсто рубища дѣлъ неправедныхъ украсить себя драгоцѣнною одеждою добрыхъ дѣлъ. Тѣлесный постъ установленъ для того, чтобы легче было поститься душѣ.

⁂ О! кто мнѣ дастъ ревность Божію и силу слова возбудить въ христіанахъ нынѣшняго времени живую вѣру и должное благоговѣніе ко кресту и Распятому на немъ! Знаю, что многіе невнимательны ко кресту и къ крестному знаменію. Иногда невниманіе и неуваженіе ко кресту простирается до того, что не принимаютъ идущаго въ домъ со крестомъ и во имя креста служителя Христова; другіе не хотятъ, какъ должно, изображать на своемъ грѣшномъ тѣлѣ знаменіе креста или пренебрегаютъ священническимъ благословеніемъ; иногда это дѣлаютъ по невниманію, а иногда, о ужасъ — отъ ложнаго, проклятаго стыда. Креста-ли стыдиться, возлюбленный, который есть похвала и слава наша?

⁂ Такъ какъ Богъ есть мысленное Существо, то чрезвычайно скоро можно потерять Его изъ сердца сердца; равно какъ скоро же можно рѣшительнымъ

покаяніемъ во грѣхахъ пріобрѣсть Его сердцу.

*** Каждому истинно нуждающемуся должно оказывать милость. Но при этомъ должно помогать не по тщеславію и самолюбію, не изъ желанія благодарности и вознагражденія, но безкорыстно изъ угожденія Богу и изъ любви къ ближнему. Милостыня, зараженная болѣзнію тщеславія, не есть уже дѣло милосердія. И такъ, если кто даетъ не съ расположеніемъ усердія, тотъ лучше не давай.

*** Когда молишься, вѣруй твердо, что Господь присущѣ каждому слову молитвы, и о чемъ ни попросишь, Онъ есть исполненіе, для тебя и для всякаго другого, каждаго прошенія твоего.

*** Надо умѣть господствовать надъ своимъ сердцемъ въ минуту оскорбленія, подавлять въ себѣ гнѣвъ и неудовольствіе въ самомъ началѣ. Укорилъ кто тебя? А ты благословляй. Билъ? А ты терпи. Презираетъ и за ничто почитаетъ онъ тебя? А ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденіями, тотъ найдетъ, что всякое безчестіе меньше дѣйствительности.

⁂ Какое имя Богу нашему? — Любовь, Благость, Человѣколюбіе, Щедроты. Когда молишься, зри сердечными очами, что предъ тобою стоитъ Любовь и Благость, что тебѣ внимаетъ Человѣколюбецъ.

⁂ Кто изъ васъ друзья мои, желаетъ покаяться предъ Господомъ и причаститься Святыхъ Тайнъ, предупреждаю: приготовились-ли вы къ воспринятію столь великаго таинства? Знайте, что великій отвѣтъ я несу предъ Престоломъ Всевышняго, если вы приступите не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мнѣ, а Самому Господу, Который невидимо присутствуетъ здѣсь, Тѣло и Кровь Котораго находится въ эту минуту на жертвенникѣ... Приготовились-ли вы?

— „Ты бо рeклъ еси Господи: хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но яко еже обратитися, и живу быти ему: и яко седмьдесятъ седмерицею оставляти грѣхи"...

— „Господи Іисусѣ Христе, Сыне

Бога живаго, пастырю и агнче, вземляй грѣхъ міра, иже заимованія даровавый двѣма должникома и грѣшницѣ давый оставленіе грѣховъ ея; самъ Владыко ослаби, остави, прости грѣхи“...

⁂ Познай всякій христіанинъ лесть діавольскую, лежащую на всемъ мірскомъ и тлѣнномъ, отвращающую насъ подъ разными благовидными предлогами отъ любви къ ближнему яко же къ себѣ самому.

Мы долго могли бы дѣлать выборки изъ печатныхъ и устныхъ поученій о. Іоанна, но размѣръ нашего выпуска заставляетъ насъ остановиться...

Каждое слово Кронштадтскаго пастыря могло бы сдѣлаться настольной книгой всякаго православнаго христіанина.

— Дай Богъ, чтобы больше и чаще люди читали и перечитывали эти изреченія!

Приведемъ въ заключеніе отзывы объ отцѣ Іоаннѣ двухъ выдающихся іерарховъ Православной Церкви: недавно почившаго преосвященнѣйшаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго и о. настоятеля каѳедральнаго Исаакіевскаго собора П. С. Смирнова.

Владыка Никаноръ говоритъ:

„Поразительнѣйшее знаменіе времени— отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Вѣдь его жаждутъ принять вездѣ, отъ подвала до раззолоченныхъ палатъ. Этого мало. Онъ не можетъ, не имѣетъ времени читать всѣ посылаемыя къ нему письма и телеграммы, которыми наполняются цѣлыя корзины. Онъ не имѣетъ времени удовлетворить насущнѣйшимъ потребностямъ— питанія и отдыха. Когда онъ приближается изъ Кронштадта къ Петербургу, здѣсь на пристани всегда уже знаютъ и ждутъ его толпы народа; знаютъ напередъ и ждутъ его во всякой части города, у всякаго дома, гдѣ предполагается его прибытіе. При выходѣ изъ закрытаго экипажа, при выходѣ зъ домовъ къ эки-

нажу, его рвутъ на части, чтобы принять его благословеніе, рискуя и его и сами себя раздавить въ народной толкотнѣ. Его молитвенной помощи ждутъ и просятъ не только въ Россіи, но и за-границей. И молитвенная помощь его, всегда съ его стороны простая, ничего чудеснаго прямо необѣщающая, бываетъ иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна самая вѣра въ отца Іоанна Кронштадтскаго всѣхъ сословій Петербурга да и всѣхъ концовъ Россіи. А такой простой, безъискусственный человѣкъ, но истинно вѣрующій въ дѣйственность силы Божіей и въ наши дни священникъ. *Чудотворна та икона*, выразился глубоко-мудрый первосвятитель Россійской церкви, 90-лѣтній старецъ, — *которая сильна возбудить вѣру въ свою чудотворность.* Силу этого глубокомысленнаго изреченія можно примѣнить и къ отцу Іоанну Кронштадтскому. Да, чудотворецъ онъ уже потому самому, что возбудилъ крѣпкую вѣру въ чудотворную силу Божію, содѣвающуюся въ человѣческой немощи и въ наши невѣрные дни.

„Не знаменіе-ли это времени? Кто могъ подумать 20 лѣтъ назадъ, въ 60-хъ годахъ, что Петербургъ такъ согласно будетъ выражать свою вѣру во всемогущую чудотворность силы Божіей, передъ очами нашими являемую въ немощи человѣческой? И однако-же это фактъ,— фактъ, свидѣтельствующій о поворотѣ въ склонѣ народнаго духа“.

Другой авторитетный пастырь церкви, извѣстный проповѣдникъ, настоятель каѳедральнаго Исаакіевскаго собора, П. С. Смирновъ, говоря въ собраніи, въ присутствіи нѣсколькихъ іерарховъ церкви и высокопоставленныхъ лицъ, Петербургскаго братства во имя Пресв. Богородицы, въ рѣчи своей о пашковской ереси, которая въ послѣднее время такъ сильно распространилась въ столицѣ, высказалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ слѣдующее:

«Но если велика сила вражья, то безконечно могущественна сила Божія. Около самаго Петербурга, на пути, откуда пришелъ къ намъ начальникъ ереси (лордъ

Редстокъ, отъ котораго впослѣдствіи и образовалась пашковская ересь), является пастырь съ особеннымъ даромъ молитвы и исцѣленія. Простой и добрый, искреннѣйшій человѣкъ, онъ дѣйствуетъ на прибѣгающихъ къ нему именно и только, какъ священникъ, тѣми средствами, какія указуетъ церковь: совершеніемъ молебствій предъ св. иконою и окропленіемъ освященною водою, чтеніемъ Слова Божія и словомъ пастырскаго назиданія, постомъ и говѣніемъ, исповѣдью и преподаніемъ св. Тайнъ, — и благодати священства усвояетъ все, что совершаетъ черезъ него Милосердный Господь. И передъ нашими глазами точно повторяются событія евангельской и апостольской исторіи: толпы народа окружаютъ всюду вѣрнаго носителя Божественной благодати, немощныя врачующей, и не даютъ покою ему ни на одинъ часъ, какъ нѣкогда ученикамъ Іисуса. Этотъ смиреннѣйшій пастырь — живой и сильный обличитель гордаго суемудрія сектантскаго».

Помощь о. Іоанна.

Разскажемъ слѣдующій случай.

На Руси въ настоящее время тысячи пьяницъ; горькихъ и запоемъ, переставшихъ навсегда пить, благодаря высокому нравственному вліянію отца Іоанна кронштадтскаго. Объ нихъ-то я и хочу сказать здѣсь въ дополненіе къ моему очерку, вышедшему уже отдѣльнымъ изданіемъ.

Что такое пьянство? Врачи и физіологи не даютъ намъ на это прямаго отвѣта; одни называютъ страсть къ вину человѣческою слабостью, которой люди безхарактерные не могутъ противостоять, другіе считаютъ эту страсть болѣзнью или такою органическою потребностью, которая, благодаря привычкѣ, сдѣлалась второю натурою и перешла въ болѣзнь, кончающуюся часто бѣлою горячкою.

Какъ бы то ни было, но неумѣренное потребленіе вина причиняетъ человѣчеству много слезъ, горя и несчастій; эта „Власть тьмы“ многихъ раззорила, осиротила, обездолила и лишила не только

всякаго благополучія, но добраго имени, чести и образа человѣческаго, сколько сдѣлала нищихъ, хронически больныхъ, а еще болѣе бродягъ и преступниковъ. Насколько *умѣренное* потребленіе вина безвредно, даже радостно и полезно, настолько же *неумѣренное* вредно и пагубно. Найти границу или, какъ выражаются пьяницы, „мертвую точку" („лишняя" рюмка, послѣ которой человѣкъ теряетъ самообладаніе) есть *секретъ*, обладаніе которымъ могло бы доставить милліоны человѣчеству, не говоря уже о нравственомъ значеніи. Я зналъ одного татарина Хаби-булу, личившаго въ Петербургѣ отъ запоя; онъ въ короткое время нажилъ большое состояніе только тѣмъ, что умѣлъ угадывать „мертвую точку". Ему купцы платили сотни и тысячи руб., но, увы, дѣйствіе секрета Хаби-булы длилось нѣсколько мѣсяцевъ и „вылечившіеся" опять стали пить горькую... Можетъ быть, когда нибудь при случаѣ я подробно опишу шарлатанское леченіе Хаби-булы, благодаря которому онъ теперь сдѣлался крупнымъ помѣ-

щикомъ на Волгѣ, а примѣры его эксплоатаціи довѣрчивыхъ людей нашелъ многихъ послѣдователей, но теперь это отвлекло бы меня отъ главнаго предмета.

Отецъ Іоаннъ смотритъ на пьянство *только какъ на человѣческую слабость.*

— Никто еще не родился пьяницей, а сдѣлался имъ въ жизни, — говоритъ почтенный пастырь;—конечно, пьянство и запой переходятъ въ болѣзнь; очень вѣроятно что и, наслѣдственное предрасположеніе играетъ здѣсь роль, но корень и причина зла въ насъ самихъ. Если сила вѣры властна настолько, чтобы поднять насъ со смертнаго одра, то она имѣетъ достаточно мощи заставить насъ пить умѣренно, т. е. остановиться на той рюмкѣ, послѣ которой мы перестаемъ носить образъ и подобіе Божіе, приближаемся къ животному...

Замѣчательно, что о. Іоаннъ не запрещаетъ пьяницамъ, обращающимся къ нему, продолжать пить.

— Не бояться, а презирать мы должны

врага. Плохой воинъ, который боится встрѣчи съ непріятелемъ, если ты будешь бѣгать отъ водки, какъ отъ властнаго твоего соблазнителя, ты рано или поздно попадешь къ нему въ лапы...

Но, не смотря на „позволеніе“, большинство бывшихъ пьяницъ, излеченныхъ о. Іоанномъ, получаютъ инстинктивное отвращеніе къ вину и если пьютъ иногда „рюмочку“ то самаго невиннаго напитка, въ родѣ наливки или кюммеля.

Для излеченія отъ пьянства у отца Іоанна есть особенная молитва. Молитва читается въ церкви, съ колѣнопреклоненіемъ, но, конечно, внѣ богослуженія, а чаще на исповѣди. Иногда о. Іоаннъ сопровождаетъ молитву эпитиміею, требованіемъ поста, воздержанія и т. п. Случалось, что послѣ бесѣды съ пьяницей, пастырь отказывалъ въ помощи:

— Иди и прежде измѣни образъ жизни; научись работать, жить честно, а послѣ проси у Бога милости...

Первое время послѣ исповѣди, св.

причащенія и молитвы объ избавленіи отъ пьянства о. Іоаннъ предлагаетъ излечившемуся чаще пріобщаться св. Таинъ, вести вообще благочестивый образъ жизни, воздерживаться отъ всякихъ излишествъ и не вспоминать минувшаго. Наибольшая опасность вернуться къ пьянству первые мѣсяцы, а самый сильный соблазнъ—компанія пріятелей. Само собою разумѣется, необходимо избѣгать послѣднихъ и не искушать себя безъ нужды.

Таковъ „рецептъ" исцѣленія пьяницъ нашего почтеннаго пастыря.

I.

Былъ въ Петербургѣ довольно крупный серебряникъ. Онъ былъ человѣкъ семейный и на 32 году жизни, когда у него было четверо дѣтей, жена и старуха мать, началъ пить запоемъ. Въ это время дѣла его шли блестяще; онъ имѣлъ капиталъ, много выгодныхъ заказчиковъ и въ мастерской работало до 25 подмастерьевъ, такъ что произво-

ство его можно было назвать почти фабричнымъ.

Петръ Ермолаевичъ, какъ звали N, человѣкъ былъ тихій, хорошій семьянинъ и хотя съ слабымъ харакеромъ, но добрый и отчасти даже набожный. Пить онъ началъ въ компаніи пріятелей, пріучаясь постепенно просиживать цѣлые вечера въ трактирахъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался постояннымъ гостемъ трактира, разросталась его компанія собутыльниковъ, онъ пріучался все болше выпивать, все меньше занимался своимъ дѣломъ въ мастерской, скучалъ въ своей семьѣ, бывалъ дома золъ и раздражителенъ, не сталъ слѣдить за заказами и т. д. Послѣдствія обычныя: фирма N потеряла репутацію аккуратной, исполнительной и добросовѣстной мастерской; число заказчиковъ быстро уменьшалось, отказались отъ службы лучшіе подмастерья, словомъ, все пошло къ упадку. Такіе результаты озлили еще больше N и вотъ онъ началъ уже пить запоемъ, т. е., являясь домой

безчувственно пьянымъ, опохмѣлялся съ утра полштофомъ и уходилъ въ трактиръ, гдѣ высиживалъ теперь цѣлые дни. Мало по малу дошло до закрытія мастерской; N пропивалъ вещи свои и чужія, билъ безъ причины жену и дѣтей, кралъ въ семьѣ даже необходимые предметы, которые продавалъ для выпивки. Съ трактира ему пришлось перейти на кабакъ, потому что въ послѣднемъ водка наполовину дешевле.

Въ 2 ½ года отъ достатка и приволья Петра Ермолаевича осталось одно воспоминаніе!.. Женѣ удалось какъ-то съ дѣтьми уѣхать на родину въ деревню, а N сдѣлался настоящимъ „золоторотцемъ“ въ рубищѣ, ночуя сплошь и рядомъ подъ заборомъ или, въ лучшемъ случаѣ, въ ночлежномъ пріютѣ.

Въ берлогахъ и отвратительныхъ трущобахъ N встрѣчалъ нерѣдко такихъ же, какъ и онъ, голодныхъ, оборванныхъ забулдыгъ, которые жили когда-то не хуже его, въ достаткѣ, привольѣ, счастьѣ, почти богатствѣ.

Лѣтъ 5 считался N горькимъ пьяницей, пропивая всякій грошъ, который ему удавалось достать; онъ пробовалъ служить, но послѣ первой же получки жалованья исчезалъ; его встрѣчали съ подбитыми глазами, опухшимъ лицомъ, съ трясущимися руками и ногами. Нѣсколько разъ попадалъ онъ въ нищенскій комитетъ, въ больницы и разъ даже его заподозрили въ кражѣ, хотя до преступленія онъ все-таки не доходилъ.

Казалось, N все потерялъ; изъ прежнихъ собутыльниковъ и знакомыхъ никто его не узнавалъ, а внѣшній видъ указывалъ, что этому человѣку не остается иного, какъ просить у Бога прекращенія страдальческой жизни...

Еще въ хорошія времена своей жизни N слышалъ объ отцѣ Іоаннѣ кронштадтскомъ. Въ одну изъ минутъ невольнаго (за отсутствіемъ „пятачка") отрезвленія, онъ вспомнилъ о кронштадтскомъ пастырѣ...

— И у меня точно упало что-то вну-

три,—разсказываетъ Петръ Ермолаевичъ, —такъ стало весело, радостно на душѣ; за все время моего пьянства у меня не было такого пріятнаго душевнаго ощущенія... Я упалъ на колѣни, пробовалъ молиться—не могъ, слова молитвы не шли на память... Я рѣшилъ сейчасъ же идти пѣшкомъ въ Ораніенбаумъ, а оттуда какъ нибудь пробраться въ Кронштадтъ.

И N направился къ Балтійскому вокзалу. Было лѣто, начинало смеркаться и Петръ Ермолаевичъ въ ночь тронулся по шпаламъ въ путь... Онъ шелъ бодро, на душѣ было легко, какъ не бывало съ начала трактирнаго сидѣнья, и всѣ мысли, всѣ надежды этого получеловѣка, почти потерявшаго „образъ и подобіе", сосредоточивались на отцѣ Іоаннѣ, котораго онъ никогда еще не видалъ и о которомъ никогда прежде не думалъ...

II.

N миновалъ уже Петергофъ и вошелъ въ лѣсную тропинку, когда верхушки

деревьевъ зазолотились лучами восходившаго солнца. Наступало дивное утро; N почти не ощущалъ усталости и голода, на душѣ у него было легко и отрадно; онъ прилегъ подъ деревомъ на пригоркѣ и незамѣтно заснулъ. Когда онъ проснулся, солнце уже было высоко; наступилъ жаркій день, въ паркѣ гуляло много дачниковъ. Вѣроятно у N былъ отчаянный видъ, потому что дѣти и дамы спѣшили уйти отъ него подальше, а кавалеры осматривали съ ногъ до головы какъ-то вызывающе, точно хотѣли сказать:

— Какъ этотъ бродяга сюда попалъ, надо его отправить въ полицію...

Вскочивъ съ земли, Петръ Ермолаевичъ нахлобучилъ на глаза свой рваный картузъ и быстро зашагалъ къ Оранiенбауму. Впервые ему стало стыдно своего положенія и онъ хотѣлъ въ эту минуту провалиться сквозь землю, чтобы никто его не видѣлъ, онъ самъ разсказывалъ мнѣ такъ, приблизительно, свои душевныя ощущенія:

— „Пять лѣтъ пьянства, запоя со всѣми ужасными ихъ послѣдствіями возстали такъ живо предо мною, что я припоминалъ каждую мельчайшую вещь и даже то, на что прежде вовсе не обращалъ вниманія. Ахъ, какой это былъ ужасный кошмаръ! Душа разрывалась на части подъ тяжестью ужаснѣйшихъ воспоминаній. За пять лѣтъ я ни разу не вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ, женѣ, больной матери, а тутъ я готовъ былъ умереть, только бы разъ взглянуть на нихъ, услышать ихъ голоса... Я не ѣлъ болѣе сутокъ, но забылъ совершенно о голодѣ и мои мозги сжимались при однихъ воспоминаніяхъ прошлаго пережитаго, давно прошедшаго... Я не хотѣлъ думать о старомъ, надо было обсудить будущее, но мысли помимо воли приковывались къ самымъ отвратительнымъ эпизодамъ моей порочной жизни и я чувствовалъ холодную дрожь во всемъ тѣлѣ. Незамѣтно на глазахъ навернулись слезы, перешли постепенно въ рыданія и, скрывшись въ лѣсу, я нѣсколько часовъ просидѣлъ, обливаясь слезами... Выплакавъ

горе, я почувствовалъ облегченіе и бодрѣе продолжалъ путь...

Было около двухъ часовъ дня, когда N пришелъ въ Ораніенбаумъ. Только здѣсь онъ вспомнилъ, что Кронштадтъ лежитъ на морѣ, попасть въ него нельзя, а гривенника за проѣздъ на пароходѣ у него не было. Подаяній онъ не рѣшался еще никогда просить, и хотя ему нерѣдко приходилось выпрашивать на хлѣбъ, а чаще на выпивку, но обращался онъ только къ знакомымъ. Какъ же просить у постороннихъ, первыхъ встрѣчныхъ, да еще и дадутъ ли, а срамъ, позоръ нищенства придется пережить. .

Невыразимая тоска охватила Петра Ермолаевича. На краю цѣли, почти у порога завѣтной надежды приходится разстаться съ мечтами; онъ думалъ уже пуститься вплавь до Кронштадта, но это было бы безуміемъ; протянуть руку за милостыней онъ не могъ ни за что, а даромъ на пароходъ не пустятъ.

— Идти назадъ! Назадъ...

Это „назадъ“ звучало для Петра Ермолаевича совершенно какъ „могила“ или „смерть“. Возвратиться къ пятилѣтней кабацкой жизни бездомнаго бродяги казалось для N гораздо большимъ несчастьемъ, чѣмъ лютая смерть подъ ножемъ убійцы. А между тѣмъ, вчера еще эту привольную жизнь онъ промѣнялъ бы на хоромы и считалъ себя въ рубищѣ счастливѣе, чѣмъ раньше въ кругу семьи, довольства, честнаго труда...

Въ головѣ Петра Ермолаевича мелькнула уже мысль о самоубійствѣ, мысль, встрѣченная имъ не только безъ ужаса, но почти дружелюбно, какъ вдругъ вниманіе его привлекла толпа народа, бѣжавшаго по направленію къ пароходной пристани.

— Вѣрно, пароходъ отходитъ, — подумалъ, онъ, — а я не могу ѣхать...

Онъ хотѣлъ было вернуться въ Ораніенбаумъ, но какой-то внутренній голосъ заставилъ его смѣшаться съ толпой и бѣжать на пристань...

— Отецъ Іоаннъ, отецъ Іоаннъ,—слышалъ онъ кругомъ.

III.

Большаго труда стоило N протискаться въ толпѣ такъ, чтобы взглянуть на своего „избавителя“. отъ котораго теперь зависѣла вся его жизнь и будущность.

Петръ Ермолаевичъ такъ сроднился теперь съ мыслью о своемъ возрожденіи, черезъ о. Іоанна, къ новой жизни, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все.

Вотъ онъ увидѣлъ приближавшагося пастыря, котораго, казалось, толпа несла на своихъ плечахъ... Онъ увидѣлъ это ясное, съ выраженіемъ великой любви лицо священника и весь задрожалъ отъ волненія, объятый какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ... Отецъ Іоаннъ въ это время поровнялся съ нимъ... Не помня себя отъ избытка чувствъ, охватившихъ его точно морскимъ приливомъ, и не будучи въ состояніи произнести ни сло-

ва, N упалъ на землю подъ ноги о. Іоанна. Рыданія сдавили грудь несчастнаго пьяницы, въ глазахъ его потемнѣло, онъ лишился чувствъ...

Долго ли пролежалъ Петръ Ермолаевичъ безъ сознанія, онъ и самъ не помнитъ, но очнулся онъ подъ кустомъ на берегу залива, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ онъ увидѣлъ въ первый разъ о. Іоанна По всей вѣроятности, кто-нибудь изъ толпы отнесъ или, вѣрнѣе, оттащилъ безчувственнаго N въ сторону и онъ пролежалъ тамъ, принятый за пьянаго. Какъ бы то ни было, но Петръ Ермолаевичъ очнулся уже къ вечеру. Двое сутокъ прошло, какъ онъ ничего не пилъ и не ѣлъ. Смутно припоминая все происшедшее, онъ призадумался надъ своимъ положеніемъ: голодъ и усталость хотя и не особенно мучили его, но слабость была такъ значительна, что онъ съ трудомъ держался на ногахъ; въ карманѣ не было ни одной копѣйки, попасть въ Кронштадтъ нельзя, да и что же было бы въ Кронштадтѣ?.. Отца Іоанна онъ увидѣлъ, но гдѣ теперь ба-

тюшка? Его окружала такая толпа, что ему нищему-оборванцу ни за что не удастся не только говорить съ нимъ, но и увидѣть близко...

Слезы не слышно катились по осунувшимся щекамъ страшно истомленнаго лица п[illegible]лицы, прислонившагося къ дереву и стоявшаго истуканомъ.

— Вотъ оно дерево... Здѣсь въ сторонѣ, замѣтятъ не скоро... Минута и все кончено... Гдѣ мнѣ жалкому, несчастному голышу... И какъ это я мечталъ, надѣялся...

Мысли, одна другой мрачнѣе, тѣснились въ головѣ Петра Ермолаевича и, чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ пессимистичнѣе дѣлалось его настроеніе.

Солнце садилось, съ залива понесло прохладой, начинало смеркаться... Мимо N проходили пассажиры, онъ слышалъ шумъ, разговоръ...

— Попробую!—почти вскрикнулъ онъ и пошелъ къ пристани.

Пароходъ сейчасъ отходилъ. Петръ Ермолаевичъ, шатаясь, подошелъ къ капитану и, низко поклонившись, началъ безсвязно что-то говорить.

— Иди, иди, проспись, куда лѣзешь въ такомъ видѣ, ишь вѣдь нарѣзался, на ногахъ чуть стоишь.—Капитанъ проговорилъ это насмѣшливымъ тономъ и сдѣлалъ знакъ матросу.

— Уберите его...

— Проходи, проходи, нечего тебѣ здѣсь дѣлать, а не то сейчасъ заберемъ въ часть...

— Да я не пьяный,—проговорилъ чуть слышно Петръ Ермолаевичъ,—а второй день не ѣлъ, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Іоанну.

— Много васъ тутъ шляется къ отцу Іоанну. Проваливай... Въ Кронштадтѣ и безъ тебя нищихъ много.

— Пожалуйста, позвольте,—пробовалъ просить N.

— Сказано уходи и ступай, если не хочешь въ полицію. Чего тебѣ позволить?..

И Петръ Ермолаевичъ, сопутствуемый матросомъ, пошелъ съ пристани.

IV.

Смеркалось уже совсѣмъ, наступила тихая теплая ночь. Петръ Ермолаевичъ продолжалъ бродить по ораніенбаумскимъ пристанямъ безъ всякой опредѣленной цѣли и самъ не отдавая себѣ отчета въ своихъ скитаніяхъ. Ушли послѣдніе поѣзда и пароходы, прекратилось движеніе пассажировъ, Ораніенбаумъ опустѣлъ и замеръ въ ночной тиши, но N не уходилъ отъ морскаго берега, все чего-то ожидая; онъ видѣлъ, что дежурные на станціи не спали и слышалъ отрывочныя фразы, изъ которыхъ могъ заключить, что ждутъ экстреннаго поѣзда съ

отцомъ Іоанномъ. Замѣчу, что отцу Іоанну раза три въ недѣлю, а иногда и чаще, приходится ѣздить съ экстренными поѣздами и на Балтійской желѣзной дорогѣ имѣется постоянно въ запасѣ паровозъ съ вагономъ 1-го класса на случай экстреннаго требованія для о. Іоанна. Это, впрочемъ, нисколько не удивительно, потому что время кронштадтскаго пастыря слишкомъ дорого, чтобы его стѣснять росписаніемъ желѣзной дороги; когда постоянно приходится спѣшить къ умирающимъ или страдающимъ, тогда нѣтъ возможности спѣшить къ поѣзду...

Часы на станціи пробили полночь, когда вдали показались три фонаря съ яркими дрожащими огнями. Поѣздъ мчался, и прежде чѣмъ N успѣлъ добѣжать до платформы, локомотивъ остановился; народу почти не было, но вагонъ, въ которомъ сидѣлъ о. Іоаннъ, все-таки быстро окружила кучка, человѣкъ 20 людей; откуда они взялись, N никакъ понять не могъ.

Почтенный пастырь быстро вышелъ изъ вагона, наскоро благословилъ стоявшихъ и пошелъ по платформѣ къ пароходной пристани, гдѣ стоялъ уже съ разведенными парами экстренный пароходъ. Какъ и всегда о. Іоаннъ былъ бодръ, свѣжъ, не чувствовалъ никакого утомленія и на лицѣ его свѣтилась обычная привѣтливая улыбка.

— Батюшка,—простоналъ N, съ трудомъ догоняя удалявшагося священника.

Отецъ Іоаннъ остановился и повернулся къ бѣжавшему мелкими шагами оборванцу. Они встрѣтились лицомъ къ лицу... N почувствовалъ на себѣ взгляды „батюшки"; онъ не могъ выдержать приливъ чувствъ и упалъ въ ноги, крѣпко ухватившись за рясу о. Іоанна.

— Встань, голубчикъ, — ласково, но твердо, почти повелительно сказалъ пастырь,—пойдемъ на пароходъ.

N вскочилъ, какъ бы отъ дѣйствія

электрическаго тока, и, не смѣя поднять глазъ на священника, пошелъ сзади. На пути попадались встрѣчные, подходившіе подъ благословеніе, и N казалось, что они какъ-то враждебно на него смотрятъ, точно онъ провинился передъ ними.

Вотъ и пароходъ. Отецъ Іоаннъ, не оборачиваясь, прошелъ по трапу.

— Пустятъ ли меня, — мелькнуло въ головѣ N, но матросъ, замѣтивъ его колебанія вѣжливо пригласилъ его:

— Пожалуйте. Вы съ батюшкой?

— Да, съ батюшкой—повторилъ N и вошелъ на пароходъ.

— Отчаливай, — раздалась команда. Руль запѣнилъ тихую зеркальную поверхность залива, колеса загромыхали, завертѣлись и пароходъ грузно поплылъ по заливу... N остановился въ углу кормовой части парохода и не смѣлъ не только идти въ рубку, гдѣ помѣстился о. Іоаннъ, но не хотѣлъ и случайно попасться ему на глаза. Онъ сталъ теперь

раскаиваться въ своей смѣлости, его волновала мысль, что онъ скажетъ батюшкѣ, что ему нужно, зачѣмъ онъ его окликнулъ, пошелъ за нимъ, а теперь ѣдетъ въ Кронштадтъ?

— Вы съ батюшкой ѣдете?—прервалъ мысли N, матросъ, очевидно разыскивавшій его на пароходѣ.

— Я...

— Пожалуйте въ рубку, вас батюшка проситъ.

V.

Батюшка сидѣлъ въ каютѣ, когда N вошелъ, едва передвигая ноги и низко опустивъ голову.

— Здравствуй, подойди ближе,—сказалъ отецъ Іоаннъ своимъ мягкимъ голосомъ,—какъ зовутъ тебя?

— Петромъ,—прошепталъ N, не смѣя двинуться съ мѣста.

— Ну, подойди, Петръ, сядь вотъ тутъ со мной...

Отецъ Іоаннъ указалъ мѣсто рядомъ съ собой и N машинально исполнилъ приказаніе, хотя сидѣть рядомъ съ батюшкой въ его теперешнемъ состояніи онъ считалъ чуть-ли не святотатствомъ.

— Раскажи же мнѣ свое прошлое.

Какъ дошелъ ты до этихъ лохмотьевъ? Пилъ вѣрно?

— Пилъ батюшка, — рыдая повторилъ N.

— Ничего, ты успокойся. Помни. что любящимъ Бога все во благо... Если ты потерялъ все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерялъ. Мало хорошаго дойти до этого рубища черезъ кабакъ, но кто знаетъ, какими путями ведетъ васъ Господь къ себѣ. Можетъ быть иначе ты никогда и не вспомнилъ бы о Богѣ, о Славѣ Его, для которой мы должны жить. Всякое дыханіе хвалитъ Господа, травка и та Его хвалитъ. а ты человѣкъ, отецъ семьи, быть можетъ, хозяинъ многихъ рабочихъ, ты самъ забылъ Бога и другимъ мѣшалъ Его славить..

Чѣмъ больше говорилъ батюшка, тѣмъ легче становилось на душѣ N, сердце его билось съ такой силой, точно хотѣло разорваться; все существо было пере-

полнено какимъ-то радостнымъ трепетомъ.

— Для человѣка страшно духовное рубище, а не тлѣнное. Въ лохмотьяхъ можно быть глубоко счастливымъ и уготовить себѣ жизнь вѣчную, а въ нищетѣ духа никакія сокровища земныя не дадутъ человѣку ни счастья, ни спасенія...

Батюшка, я не пришелъ просить у васъ помощи въ нуждѣ, я прошу только излечить меня отъ пьянства, отъ слабости къ вину...

Излечи душу свою любовію къ Богу и ближнимъ, наполни сердце свое вѣрою и любовью, а излеченіе отъ пьянства придетъ само собою. Просите прежде всего Царствія Божія и Славы Его, а все остальное приложится вамъ...

Батюшка, я хочу только христіанской жизни или кончины въ мирѣ съ Богомъ и людьми...

Проси у Бога помощи съ вѣрою твердою, непоколебимою и рѣшись исправить жизнь свою по ученію св. православной церкви...

Разговоръ продолжался въ этомъ же аправленіи; N становился съ каждымъ словомъ воодушевленнѣе; рыданія стихли въ голосѣ слышалась твердость, даже нѣкоторая увѣренность. Превращеніе изъ робкаго, приниженнаго, забитаго оборванца въ человѣка съ твердой волею, рѣшимостью и почти восторженностью совершилось такъ быстро, что N недоставало только костюма, чтобы сдѣлаться совершенно неузнаваемымъ. Объ этомъ превращеніи N до сихъ поръ вспоминаетъ, какъ о величайшей минутѣ въ своей жизни. Онъ выросъ въ собственныхъ глазахъ; онъ почувствовалъ въ себѣ то человѣческое достоинство, которое онъ обязанъ охранять пуще всего въ жизни и въ душѣ своей ощущалъ наплывъ небывалой еще радости. Когда пароходъ присталъ къ пристани, N не

прятался уже въ темноту и не опускалъ низко голову; напротивъ, онъ весь выпрямился, слегка откинувъ назадъ голову и каждое движеніе сопровождалось такою увѣренностью, точно его кто сейчасъ произвелъ въ коммерціи совѣтника или наградилъ большимъ орденомъ...

Ты найди себѣ ночлегъ гдѣ-нибудь и завтра приходи къ ранней обѣдни, въ соборъ. Мы помолимся съ тобою, потомъ ты исповѣдуйся, причастись св. Таинъ и поѣзжай обратно въ Петербургъ.

Отецъ Іоаннъ протянулъ руку N и онъ почувствовалъ присутствіе бумажекъ.

Возьми, это тебѣ пригодится, тебѣ надо одѣться и привести себя въ порядокъ.

N хотѣлъ что-то сказать, протестовать, но на пароходъ хлынула уже толпа. Отецъ Іоаннъ въ одну минуту оказался окруженнымъ и N не могъ болѣе до него пробраться.

VI.

Петръ Ермолаевичъ нашелъ въ рукѣ 94 руб. Такой суммы онъ не имѣлъ уже

нѣсколько лѣтъ, но деньги нисколько не радовали его и онъ совершенно равнодушно сунулъ ихъ въ карманъ своей дырявой куртки. Гдѣ-то на башенныхъ часахъ пробило два; въ Кронштадтѣ все было закрыто и тихо, улицы пустынны. Начинало свѣтать... N пошелъ бродить, отыскивая Андреевскій соборъ. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемъ горизонтѣ обрисовался высокій куполъ и колокольня бѣлаго собора; обширная площадь, красивая желѣзная рѣшетка, безукоризненная чистота и мощный видъ огромнаго, совсѣмъ новаго, точно сейчасъ только выстроеннаго собора произвели на N отрадное впечатлѣніе.

Онъ поднялся по ступенямъ на паперть, сталъ на колѣни и принялся молиться... Долго простоялъ такъ оборванецъ въ такомъ положеніи, но никакъ не могъ сосредоточить свои мысли на Богѣ, не могъ забыть все окружающее и отдаться молитвѣ; услышитъ ли онъ шорохъ въ сторонѣ—сейчасъ подымаетъ голову и начнетъ всматриваться: замѣтитъ ли городоваго или пѣшехода вдали — засуетится, ему дѣлается неловко, онъ хочетъ уйдти, скрыться; а то приходятъ

въ голову мысли о прошломъ, о пріятной веселой компаніи въ трактирѣ; теперь у него есть деньги, онъ могъ бы угостить всѣхъ, покутить какъ слѣдуетъ; начинаетъ онъ обдумывать, спорить самъ съ собой, мечтать о будущемъ, а тутъ опять пѣшеходъ, крикъ какой-то вдали.

Пойду пройтись по городу,—рѣшилъ N.

Не успѣлъ онъ выдти на Соборную улицу, какъ его кто-то окликнулъ.

— Эй, ты, послушай...

N обернулся, его догонялъ какой-то оборванецъ очень похожій съ виду на него.

— Ты любезный изъ Петербурга вѣрно,—набросился онъ на него.

— Да, изъ Петербурга...

— Ну такъ вонъ отсюда. Сейчасъ уходи, а то я городоваго кликну...

— Да чего ты! Что я тебѣ сдѣлалъ?

— Ничего не сдѣлалъ, а только я тебѣ говорю уходи отсюда добромъ...

— Зачѣмъ я пойду. Развѣ здѣсь нельзя ходить?

— Нельзя. Около собора наши мѣста; мы тутошніе, почитай десять лѣтъ побираемся на паперти...

— Да я вовсе не побираться пришелъ...

— Ладно. Знаемъ мы васъ питерскихъ. Зачѣмъ ты изъ Петербурга явился, если не побираться. У насъ своихъ хоть отбавляй, иной день ѣсть нечего...

— Отстань пожалуйста. Вонъ у меня сколько денегъ...

И высунулъ изъ кармана пачку кредитокъ, полученныхъ отъ о. Іоанна.

— Ну, это другое дѣло. Извини, голубчикъ. Я думалъ ты съ нами на паперть стать хочешь. Очень ужъ у тебя видъ такой... Точно не ѣлъ три дня...

— Я точно не ѣлъ третій день, а только въ Кронштадтѣ не думалъ идти побираться и отбивать у васъ гроши.

— Ахъ, милый, если бы ты зналъ, сколько народу ѣздитъ сюда побираться! Иной одѣтъ франтомъ, а самъ ловитъ батюшку, чтобы выпросить на нужду; и не узнаешь его, съ какими намѣреніями...

— Развѣ батюшка всѣмъ подаетъ?

— И... и... и... страсть! Посмотрѣлъ бы ты, какіе купцы пріѣзжаютъ; въ первомъ классѣ пріѣдетъ, а не дай батюшка ему помощи, такъ назадъ хоть пѣшкомъ иди... Да и нашего брата нищихъ нѣ-

сколько сотъ каждый день здѣсь ожидаетъ. Выйдетъ это онъ, отецъ-то нашъ родимый, и начинаетъ отсчитывать... Десять человѣкъ отсчитаетъ—рупь, десять опять и еще рупь. Такъ всѣхъ одѣлитъ, а мы послѣ рупь дѣлимъ по гривеннику и живы сегодня... Случается и съ воли пріѣзжіе хорошо подаютъ; Сенька храмой разъ получилъ десяти-рублевку отъ барина.

— „Прими, говоритъ. Помолись о здравіи отца Іоанна. Дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать“... А какъ не молиться-то намъ за него? И такъ молимся денно и нощно... Онъ вишь проигралъ казенныя деньги, хотѣлъ повѣситься, въ гостинницѣ, о. Іоаннъ его и выручилъ. Ну, теперь все вернулъ, нажилъ еще и пріѣхалъ батюшку благодарить. А нашъ случай—попользоваться можно...

VII.

Петръ Ермолаевичъ поинтерессовался прошлымъ своего новаго знакомца.

— Я посадскій. Зовутъ меня Петромъ Лѣвиной. Нашихъ посадскихъ здѣсь нищенствуетъ тысячи полторы.

— И давно ты нищенствуешь?

— Годовъ осьмнадцать. Родители кой-какъ перебивались, а я съ измалѣтства пошелъ нищенствовать...

— Что-жъ ты не работаешь?

— Какая же работа... У меня правой руки вѣдь нѣтъ, высохла въ дѣтствѣ еще, а въ Кронштадтѣ зимой и съ двумя руками пятіалтынный въ день заработаешь на своихъ харчахъ.

Нищій показалъ N свою крошечную, почти дѣтскую руку, висѣвшую въ правомъ рукавѣ...

— Развѣ мѣста тебѣ никто не далъ бы?

— Эхъ, милый человѣкъ, какія же мѣста неграмотному калѣкѣ; еслибъ я мастерство зналъ или примѣрно въ артель бы вкупиться могъ, а то какое же мѣсто. Вотъ благодаря батюшкѣ нашихъ много пристроилось, кто въ артель вкупился, кто торговлишкой промышлять сталъ, а мнѣ куда ужъ... Лишь бы съ голоду не помереть. И такъ, когда батюшка уѣзжаетъ изъ Кронштадта,—совсѣмъ хоть помирай!

— Не весело...

— Какое-жъ веселье. Ну, милый человѣкъ, надо къ собору идти: сейчасъ благовѣстить начнутъ..

— Пойдемъ вмѣстѣ. На вотъ тебѣ, прими Христа ради..

N отдалъ нищему часть своихъ кредитныхъ билетовъ, полученныхъ отъ о. Іоанна, и обтеръ рукавомъ покатившуюся по щекѣ слезинку.

— Я здоровъ, силенъ, думалось ему,— хорошо знаю мастерство, а этотъ несчастный на всю жизнь обреченъ нищенствовать и проблеска въ будущемъ нѣтъ, ни выхода, ни надежды... А сколько такихъ несчастныхъ... Не стыдно-ли намъ здоровымъ, умѣющимъ работать, обкрадывать такую голь-горемычную...

Пономарь открылъ церковную дверь. Совсѣмъ разсвѣло. Начался чудный лѣтній день. Надъ горизонтомъ далекаго залива всплыло солнышко. Быстро сталъ пробуждаться Кронштадтъ. Закипѣла жизнь на морѣ и на берегу.

— Какъ хороша здѣсь природа,—любовался N, глядя на прекрасную панораму съ пароходной пристани.

Съ первымъ ударомъ колокола потянулись къ собору вереницей богомольцы. По всѣмъ улицамъ, примыкающимъ къ собору, шла цѣлыми партіями самая раз-

нообразная публика: женщины съ дѣтьми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. N диву дался: точно въ Свѣтлое Христово Воскресенье народъ спѣшитъ къ заутрени.

— И откуда это такая масса публики,—обратился онъ къ Лѣвшѣ, который окончательно пришелъ въ умиленіе, получивъ отъ такого же, какъ и онъ нищаго, крупную милостыню.

— Кажинное утро то же самое—отвѣчалъ нищій—батюшка служитъ только раннюю обѣдню и всегда столько народа; всѣ знаютъ, что съ вечера пріѣзжать надо, а то и не попадешь къ о. Іоанну.

VIII.

Часы передъ литургіей читалъ самъ о. Іоаннъ. N сейчасъ же узналъ этотъ характерный голосъ, который трудно забыть, если разъ его слышалъ. Каждое слово раздавалось отчетливо во всѣхъ углахъ храма. Сердце Петра Ермолаевича преисполнилось такимъ умиленіемъ, что онъ страстно захотѣлъ обнять весь

міръ, всѣхъ враговъ своихъ, всѣхъ молившихся въ этомъ храмѣ... Глаза наполнились слезами, но это были слезы радости...

Литургію служилъ о. Іоаннъ, безъ дьякона, самъ выходя на амвонъ для провозглашенія ектеніи. Движенія іерея были порывисты, быстры, но проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ.

Когда кончилось богослуженіе, народъ не „повалилъ изъ церкви", какъ всегда бываетъ при „шапочномъ разборѣ". Напротивъ, всѣ остались на своихъ мѣстахъ и только ближе столпились около амвона. Каждый *ждалъ*... Кто благословенія, кто исповѣди, кто имѣлъ просьбу къ батюшкѣ, словомъ, у всѣхъ было какое нибудь „дѣло".

— Гдѣ же тутъ мнѣ увидѣть батюшку, — думалъ N — тысяча человѣкъ его ждетъ. Тутъ и протискаться-то нѣтъ возможности. А батюшка велѣлъ придти мнѣ въ соборъ.

N потерялъ уже было надежду получить благословеніе о. Іоанна, какъ увидѣлъ его на амвонѣ. Батюшка снялъ облаченіе и былъ въ рясѣ съ большимъ крестомъ на груди. Онъ подошелъ къ

народу... Къ нему потянулись сотни рукъ... Благословивъ всѣхъ общимъ крестнымъ знаменіемъ на всѣ стороны, о. Іоаннъ наклонился къ нѣкоторымъ, сказалъ что-то и сталъ затѣмъ смотрѣть въ толпу, какъ бы ища глазами кого-то. Устремленный на батюшку взоръ N встрѣтился съ его глазами, и N почувствовалъ приглашеніе.

— Иди сюда,—какъ бы говорили они.

Совершенно инстинктивно N пошелъ къ лѣвому придѣлу храма, миновалъ толпу, и подойдя къ рѣшеткѣ, безъ труда нашелъ дверцы; но о. Іоанна успѣло обступить человѣкъ тридцать, прорвавшихся за рѣшетку раньше N. Батюшка съ ними велъ разговоръ, переходя отъ одного къ другому и до N доносились отрывочныя фразы.

— Хорошо, я зайду.

Или:

— Не могу, не могу, у меня рѣшительно нѣтъ времени.

Слезы, мольбы, рыданія—все это перемѣшивалось, и о. Іоаннъ долженъ былъ, наконецъ, скрыться въ алтарь, потому что толпа прорвавшихся за рѣшетку все увеличивалась.

— Васъ батюшка приглашалъ?—спросилъ N сторожъ, просившій посторонних удалиться съ амвона.

— Приглашалъ...

IX.

— Пойдемъ, я тебя исповѣдую, а завтра за ранней обѣдней ты пріобщишься св. Таинъ (о. Іоаннъ втеченіе 35 лѣтъ *ежедневно* совершаетъ литургіи: раннюю или позднюю),—сказалъ о. Іоаннъ N.

Они отошли въ сторону къ аналою. N опустился на колѣни...

. . . .

Исповѣдь сопровождалась продолжительнымъ наставленіемъ пастыря, послѣ чего онъ сталъ на колѣни рядомъ съ N и помолился. Благословивъ затѣмъ исповѣдника, батюшка сказалъ:

— Иди съ миромъ и старайся не грѣшить. Не допускай прежде всего мыслей грѣховныхъ, послѣ мыслей придутъ дѣла худыя, тогда труднѣе бороться; если почувствуешь тяжесть борьбы, что тебѣ не справиться самому со зломъ, бѣги къ духовному отцу своему и проси пріобщиться св. Таинъ. Это великое и все-

сильное оружіе въ борьбѣ съ пьянствомъ. Не стыдись передъ священникомъ назвать свой грѣхъ настоящимъ именемъ и не скрывай въ душѣ своей, иначе нельзя получить прощенія и силы къ борьбѣ. Православная церковь никому изъ сыновъ своихъ не отказываетъ въ св. Таинствахъ, а литургіи совершаются у насъ ежедневно. Ступай...

Впослѣдствіи N много и охотно разсказывалъ о „сильномъ душевномъ потрясеніи“ своемъ послѣ исповѣди. Это психическое состояніе нашего героя всегда занимало меня больше, чѣмъ обстоятельства самаго факта превращенія забулдыги-пьяницы въ трудолюбиваго и набожнаго семьянина-гражданина. Я часто до сихъ поръ бесѣдую съ нимъ относительно „внутренняго“ его перерожденія, но, къ сожалѣнію, какъ мало-развитой человѣкъ, онъ не умѣетъ дать себѣ отчета въ чувствахъ.

Личностей, подобныхъ N, т. е. получившихъ по молитвѣ отца Іоанна внутреннее и внѣшнее перерожденіе, у меня имѣется цѣлая коллекція, и между ними вполнѣ интеллигентный. Разсказы и анализы „самого себя“ всѣхъ этихъ лицъ,

и главнымъ образомъ почтеннаго и уважаемаго въ Кронштадтѣ лица, послужатъ мнѣ въ будущемъ матеріаломъ для очерковъ о вліяніи о. Іоанна на внутреннее перерожденіе человѣка. Въ этомъ отношеніи имѣются факты еще болѣе поразительные и назидательные, чѣмъ собранные мною доселѣ. Въ настоящее время многіе журналы и газеты, не говоря уже о рыночныхъ издателяхъ, даютъ „очерки жизни“ и дѣятельности о. Іоанна, но, къ сожалѣнію, всѣ они ограничиваются одною перефразировкой собранныхъ мною (въ изданной редакціею газеты „День“ книгѣ) фактовъ. Никто не обратилъ вниманія на тотъ *неисчерпаемый* для наблюдателя источникъ новыхъ богатѣйшихъ матеріаловъ, который даетъ внутренній міръ „жизни» и дѣятельности отца Іоанна и *нѣсколькихъ сотъ тысячъ* его духовныхъ дѣтей!.. Самое поверхностное знакомство съ этимъ *міромъ* можетъ просто обогатить нашу бѣдную по части психологическихъ наблюденій литературу и мнѣ просто жаль многочисленныхъ подражателей, предпочитающихъ кабинетную работу перевода „съ русскаго на россійскій“ языкъ.

Приведу подлинныя слова N.

— До исповѣди и молитвы о. Іоанна я находился все время въ какомъ-то сомнѣніи. Когда я получилъ деньги и бродилъ по Кронштадту, у меня на мгновеніе явилась мысль: „не дурно бы съ этими деньгами очутиться въ трактирѣ Сидорова съ моими старыми пріятелями... Чего бы мы натворили...“ Я ужаснулся этой мысли, но... но будь это днемъ, когда открыты всѣ кабаки и трактиры, я не поручусь, что вмѣсто Андреевскаго собора очутился бы, можетъ быть въ трактирѣ за графинчикомъ. Къ счастію, была ночь. Даже при всемъ желаніи я не могъ достать водки; страшную мысль я всячески гналъ отъ себя, а тутъ и ударъ церковнаго колокола... Исповѣдь и благословеніе батюшки такъ переродили меня, что кабакъ потерялъ навсегда въ моихъ глазахъ притягательную силу; за великое только наказаніе меня могутъ теперь послать въ кабакъ, и если предложатъ на выборъ: кабакъ или тюрьма— я безъ колебанія предпочту послѣднее.

X.

Мнѣ немного остается прибавить о моемъ героѣ Петрѣ Ермолаевичѣ N. На другой день онъ причастился Св. Таинъ, предварительно перемѣнивъ свой внѣшній видъ; въ Кронштадтѣ онъ купилъ себѣ бѣлье, платье и вернулся въ Петербургъ вполнѣ приличнымъ господиномъ. Первымъ дѣломъ онъ нанялъ небольшую квартирку, купилъ верстакъ и оставшіеся 12 руб. послалъ въ письмѣ женѣ, прося сейчасъ же ѣхать къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми.

— Я, благодаря Богу и отцу Іоанну кронштадтскому, сдѣлался опять человѣкомъ,—писалъ онъ женѣ;—возвращайся ко мнѣ; забудь и прости прошлое; я твердо увѣренъ, что святая православная церковь не будетъ имѣть больше основанія считать меня своимъ заблудшимъ, погибшимъ сыномъ. Съ помощью Божіей я надѣюсь вести трудовую жизнь христіанина.

N писалъ правду. Теперь прошло *шесть*

лѣтъ, какъ онъ остается вѣренъ своему рѣшенію, и ничто не предвѣщаетъ возврата къ прошлому, минувшему. На второй же день возвращенія въ Петербургъ, онъ безъ труда получилъ работу для одного магазина: за аккуратное и безукоризненное выполненіе, при умѣренныхъ цѣнахъ, скоро завалили его работой, такъ что онъ въ первый же мѣсяцъ нанялъ себѣ подмастерья, а черезъ годъ имѣлъ уже опять собственную мастерскую. Жена тотчасъ исполнила требованіе своего мужа и ни разу впослѣдствіи не сдѣлала ему упрека, потому что поведеніе N не только не давало ей повода быть чѣмъ нибудь недовольной, но, напротивъ, большей заботливости и предупредительности нельзя было и желать; каждое воскресенье и праздникъ семья ходила въ церковь, каждый вечеръ посвящался чтенію св. писанія и молитвѣ; подроставшія дѣти опредѣлены были въ учебныя заведенія; ни одинъ бѣднякъ не получалъ у N отказа въ помощи; но предметомъ особаго его попеченія была мѣстная приходская церковь; онъ золотилъ ризы и церковную утварь, ремонтировалъ паникадилы, покупалъ иконы, словомъ, дѣлалъ все за-

висящее для украшенія и благолѣпія храма.

— Церковь дала мнѣ все; пожалѣю-ли я чего нибудь для нея,—говорилъ часто N.

Года черезъ два Петръ Ермолаевичъ открылъ уже свой магазинъ, а недавно купилъ каменный домъ; онъ ясно видѣлъ, что каждая его жертва на церковь, каждая помощь бѣднымъ возвращается сторицею, въ видѣ хорошихъ заказовъ, выгодныхъ работъ, и поэтому не скупился на добрыя дѣла. Чѣмъ больше онъ раздавалъ, тѣмъ больше пріобрѣталъ, оправдывая слово св. писанія— рука дающаго не оскудѣетъ.

Изъ всѣхъ родовъ бѣдняковъ горькія пьяницы вызываютъ у него больше сочувствія, но онъ понять не можетъ, *для чего* люди напиваются до-пьяна и *какъ это* они не въ состояніи удержаться? Онъ придумалъ такой афоризмъ:

— Человѣческое сердце боится пустоты; если мы выселимъ изъ себя добраго духа, его мѣсто займетъ злой духъ, но пустымъ сердце оставаться не можетъ!..

Афоризмъ этотъ далеко не глупый.

Исповѣдь о. Іоанна.

Великій постъ и свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова, невольно обращаютъ наши взоры къ „неземному“, заставляя забывать на это время мелочныя житейскія злобы и вспоминать великія событія исцѣленія человѣчества Богочеловѣкомъ!

Неудивительно, что ежегодно въ эти дни, бываетъ особенно великъ наплывъ богомольцевъ къ отцу Іоанну въ Кронштадтъ. Одни съ покаяніемъ, другіе съ недугами, третьи съ кручиною, печалью, невзгодами...

„Батюшка“ знаетъ, что въ дни великаго поста требованія на его духовную помощь возрастаютъ до крайнихъ предѣловъ, до невозможности удовлетворить всѣхъ желающихъ, обращающихся къ нему, алчущихъ... Изъ года въ годъ повторяется этотъ наплывъ говѣльщиковъ, это религіозное движеніе въ Кронштадтъ за духовнымъ очищеніемъ отъ всѣхъ мірскихъ сустъ и грѣховной жизни...

— Какъ же относится о. Іоаннъ къ своимъ духовнымъ чадамъ?

Прежде всего съ отеческою любовью, христіанскою кротостью, смиреніемъ и пастырскою строгостью... Простота, сердечность, искренность, долготерпѣніе, проявляются въ каждомъ поступкѣ, словѣ, обращеніи и даже краткомъ разговорѣ. Всѣ эти чувства неудержимымъ потокомъ бьютъ наружу въ „батюшкѣ", и это-то составляетъ такую обаятельную силу его на всѣхъ окружающихъ...

Разскажу нѣсколько новыхъ фактовъ за это время изъ дѣятельности кронштадтскаго проповѣдника-пастыря.

Есть у насъ на Лиговкѣ, у Кузнечнаго моста, центральная молельня безпоповцевъ-раскольниковъ и какъ разъ насупротивъ ея молельня поповцевъ бѣглаго австрійскаго духовенства. Хотя въ этихъ молельняхъ публично и громко изрекаются анаѳемы на православную церковь, поносятся ея служители самыми оскорбительными кличками, но молельни благополучно отправляютъ свои нечистоплотныя „службы" и вопреки толкамъ враговъ церкви никто молельни не стѣ-

снлетъ, не преслѣдуетъ и не ограничиваетъ ихъ богохульствъ!..

Въ этомъ-то лиговскомъ гнѣздѣ раскола проживаетъ богатый маляръ Т—въ съ взрослыми сыновьями и многочисленными работниками, принадлежащими всѣ поголовно къ безпоповщинской молельнѣ.

Много лѣтъ Т—въ прожилъ въ расколѣ, не зная истинной церкви и не получая ея благодати, въ видѣ таинства и молитвъ... Вѣроятно такъ онъ и прожилъ бы до гроба, если бы... если бы до него не дошли слухи о подвижнической жизни о. Іоанна Кронштадтскаго.

— Сказки все разсказываютъ, говорилъ старикъ, когда ему попалась брошюрка о жизни кронштадтскаго пастыря. Тѣмъ и кончилъ...

Случилось Т—ву какъ-то простудиться и захворать. Доктора нашли у него воспаленіе легкихъ и объявили, что въ его возрастѣ болѣзнь эта неизлечима, онъ „сгоритъ“ отъ высокой температуры и потому предложили ему пригласить духовника и сдѣлать завѣщательныя распоряженія.

И вотъ на краю могилы... Готовясь перейти въ иной міръ, гдѣ нѣсть печали

и воздыханія Т—въ вспомнилъ про „сказки“ объ о. Іоаннѣ.

— Дѣти мои, сказалъ онъ окружавшимъ его сыновьямъ. Чувствую я, что въ грѣхахъ тяжкихъ прожили мы жизнь не зная и не имѣя благодати церкви... Отцы наши увѣряли, что православная церковь еретическая, а посмотрите вонъ какіе подвиги дѣлаютъ ихъ священники... Задумалъ я дѣти мои примириться передъ смертью съ Святою Церковью и просить батюшку изъ Кронштадта пріѣхать ко мнѣ многогрѣшному...

— Воля твоя священна для насъ отецъ, отвѣтили сыновья, хочешь мы пошлемъ въ Кронштадтъ письмо или сами съѣздимъ.

— Пошлите телеграмму... Попросите помолиться и если милость будетъ пріѣхать... Сами при мнѣ будьте... Докторъ говоритъ я сутки не проживу больше...

Сыновья въ точности исполнили приказаніе родителя, но пославъ телеграмму умолчали, что умирающій не принадлежитъ къ православной церкви...

Ровно черезъ сутки, подъ вечеръ слѣдующаго дня у дома Т—ва остановилась карета и тотчасъ же собралась толпа народа...

— Не отецъ-ли Іоаннъ пріѣхалъ, заволновались Т—вы и выбѣжали на улицу... Изъ кареты выходилъ въ это время бодрый священникъ и благословляя направо и на-лѣво народъ, пробирался къ калиткѣ...

Отецъ Іоаннъ никогда не бывалъ въ этой мѣстности и никто не указывалъ ему, гдѣ живетъ Т—въ, но онъ прямо шелъ къ двери и увидѣвъ на крыльцѣ старшаго сына Т—ва и обратился къ нему:

— Веди меня къ отцу?

Между тѣмъ второй сынъ, находившійся у постели умирающаго былъ удивленъ еще болѣе...

Окна въ комнатѣ были завѣшаны, старикъ лежалъ неподвижный; какъ вдругъ онъ встрепенулся, приподнялся на подушкахъ и сталъ пристально смотрѣть на дверь:

— Что тамъ такое?! Пустите, шепталъ онъ, пустите скорѣе.

Сынъ подумалъ, что умирающій бредитъ, пробовалъ уложить его на подушки, но въ эту минуту открылась дверь и на порогѣ появился о. Іоаннъ...

Батюшка былъ въ черной рясѣ съ крестомъ на груди и со сложенными руками... Ясное всегда симпатичное лицо было сосредоточено и серьезно...

Отецъ Іоаннъ подошелъ къ постели и поднялъ руку надъ головой больнаго.

— Не печалуйся, уповай на Господа... Онъ милосердъ и многомилостивъ...

Умирающій спустилъ съ кровати ноги и почувствовалъ себя настолько бодрымъ, чтобы встать...

— Погоди, лягъ, сказалъ батюшка и помолимся...

— Не смѣю я молиться отецъ святой заплакалъ больной, я по старой вѣрѣ живу безъ священства и церкви...

— Господь никого не отталкиваетъ и много прощаетъ намъ грѣшнымъ... Пока ты живешь время не ушло принести истинное покаяніе и просить о милосердіи... Если Богу угодно онъ продлитъ жизнь твою и ты будешь славить Имя Его Святое!..

— Прости, Господи, заблужденіе мое, проговорилъ больной!..

Отецъ Іоаннъ обратился къ иконамъ и опустился на колѣни... Пали на землю и всѣ присутствовавшіе...

Нѣсколько минутъ длилась полная тишина... Затѣмъ батюшка сталъ читать молитву... Общее настроеніе было настолько сосредоточенное и торжественное, что никто не замѣтилъ, какъ въ комнату вошелъ докторъ и постоявъ въ дверяхъ опять вышелъ...

Молитва кончена... Отецъ Іоаннъ подошелъ къ больному и благословилъ его.

— Если ты будешь здоровъ, прибавилъ онъ, не забудь своихъ обѣтовъ...

И вышелъ...

Невозможно описать и передать то радостное, ликующее настроеніе, которое ощущалъ больной... Никакія удачи въ жизни, никакія удовольствія и послѣдствія никогда не приводили его въ такое состояніе и онъ ощущалъ его впервые...

— Теперь готовъ я умереть... Сладко умереть съ такою трепетною душою говорилъ старикъ...

Но онъ не умеръ, а быстро сталъ поправляться и черезъ недѣлю уже былъ на ногахъ...

Число „исповѣдниковъ“ въ послѣдніе годы достигаетъ 150—300 ежедневно, а Великимъ постомъ возрастаетъ до 5—6,000 въ недѣлю, такъ что по своей многочисленности они требуютъ у „батюшки“ не меньше времени, чѣмъ и другія группы духовныхъ чадъ.

Обладая неисчерпаемымъ запасомъ любви къ ближнимъ, кротости и терпѣнія, о. Іоаннъ выстаиваетъ по нѣсколько часовъ у исповѣдныхъ ширмъ или на амвонѣ съ чашею св. даровъ такъ же покойно, охотно и съ тѣмъ же свѣтящимся радостью лицомъ, какъ и на дворѣ передъ „строемъ“ своихъ оборванцевъ, въ страннопріимныхъ домахъ съ болящими, или цѣлыми днями разъѣзжая по Петербургу съ „визитами“. Никто и никогда не слышалъ отъ о. Іоанна жалобы на докучливость его дѣтей, на усиленныя занятія, утомленіе и т. п. Можно подумать, что человѣкъ этотъ лишенъ нервной системы, но о. Іоаннъ напротивъ, страдаетъ слабыми нервами и только почти сверхъестественная сила воли, безграничная любовь къ окружающимъ и глубокая набожность берутъ верхъ надъ расшатанными нервами. Бываютъ случаи,

я самъ ихъ наблюдалъ, когда о. Іоаннъ теряетъ, если можно такъ выразиться, самообладаніе: въ эти минуты онъ говоритъ отрывисто и рѣзко, не смотритъ прямо въ глаза, какъ обыкновенно, и старается „бѣжать"... Гнѣвъ „батюшки" только въ этихъ проявленіяхъ и выражается...

Но какія же это „минуты гнѣва" или минуты первнаго раздраженія?

Всѣ случаи, какія я видѣлъ лично или о которыхъ мнѣ разсказывали, сводятся къ одному — нарушеніе исповѣдниками благочинія въ храмѣ, проявленіе грубости или злости во время молитвы и открытый обманъ.

О. Іоаннъ мирится съ грѣховностью христіанъ, съ пороками, какъ трофеями дьявола; онъ молитвой и увѣщаніями старается свести своихъ дѣтей съ грѣховнаго пути, помогаетъ имъ въ этомъ всѣми мѣрами, денно и нощно трудится для нихъ, но когда онъ видитъ „пустоголоваго" субъекта, который нагло лжетъ ему въ глаза, глумится надъ евангельскими завѣтами, надъ вѣрою и Богомъ— онъ приходитъ въ „гнѣвъ" и бѣжитъ отъ этихъ людей.

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать, говоритъ батюшка.

Смыслъ этой фразы вполнѣ понятенъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ искренняго раскаянія въ своихъ порокахъ, нѣтъ твердаго желанія отрѣшиться отъ грѣховной жизни и слѣдовать по евангельскому пути... тамъ, гдѣ сухое равнодушіе и обрядность граничать съ „хулой на Духа Свята" — тамъ нѣтъ надежды на прощеніе, на помилованіе и, слѣдовательно, нѣтъ мѣста для церковнаго общенія. Вотъ почему добрый и ласковый съ „золоторотцами" о. Іоаннъ дѣлается нервно-раздраженнымъ, „чужимъ" съ лицемѣрами, ханжами и кощунствующими, въ какихъ бы нарядахъ и костюмахъ они не приходили къ нему...

Помню я нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ о. Іоанну въ Андреевскомъ соборѣ подошла нарядная, вся въ золотѣ и бриліантахъ дама, довольно еще молодая, красивая купчиха, какъ мнѣ казалось, держала въ рукахъ толстую пачку крупныхъ кредитныхъ билетовъ.

— Хочу батюшкѣ пожертвовать, — говорила она старостѣ собора, показывая пачку...

Всѣ относились къ дамѣ съ большимъ

уваженіемъ и подобострастіемъ; ее провели впередъ къ алтарю и она стала ждать батюшку. Отошла обѣдня, а батюшка все не выходитъ.

— Сходите, попросите... мнѣ некогда,—волнуется дама.

Батюшка наконецъ вышелъ, подошелъ прямо къ дамѣ и остановился, смотря на нее въ упоръ. Та подошла было къ благословенію, но о. Іоаннъ спряталъ руку.

— Что вамъ надо?—сухо спросилъ батюшка.

— Я много слышала о васъ и хотѣла просить васъ принять лепту,—отвѣчала дама, протягивая пачку кредитокъ.

— А вы чѣмъ занимаетесь?

Дама вспыхнула и сразу растерялась.

— Вы чѣмъ занимаетесь?—повторилъ вопросъ о. Іоаннъ тѣмъ рѣзкимъ тономъ, который всегда выражаетъ у него сильное раздраженіе.

— Я... батюшка... я... вѣдь я никому зла не дѣлаю... я хорошо со всѣми обхожусь... безъ этого нельзя вѣдь батюшка... не я, другая стала бы держать...

— Такъ у васъ домъ... И вы смѣете предлагать мнѣ *свои* деньги!? Нѣтъ, су-

дарыня, я *такихъ* денегъ не принимаю!..

И, круто повернувшись, отецъ Іоаннъ исчезъ въ алтарѣ.

* *
*

Не переноситъ также о. Іоаннъ толкотни и давки при исповѣди и святомъ причастіи...

Это уже доказываетъ, что батюшка „сердится“ и мертвая тишина водворяется въ храмѣ.

Сознавая всю важность и святость таинства причащенія, о. Іоаннъ просто *боится* малѣйшаго проявленія вольнаго или невольнаго оскорбленія святыни. Оберегая „мѣсто“ отъ нарушенія благоговѣнія, онъ оберегаетъ и дѣтей своихъ отъ тяжкаго грѣха „недостойно“ принять св. Таинство. Отсюда и проявленіе по временамъ строгости. За то, когда все кончено, всѣ сподобились пріобщиться, съ какимъ сіяющимъ лицомъ выходитъ на амвонъ батюшка и, дѣлая низкій поклонъ, произноситъ:

— *Честь имѣю* васъ поздравить господа!

Въ этомъ „честь имѣю“ звучитъ столько

уваженія, что сами исповѣдники невольно какъ-то встрепенутся. Не разъ я наблюдалъ, что гордыя и важныя лица выходили изъ храма, проникшись вдохновеніемъ батюшки, воспринявъ въ себѣ то сознаніе, которое внушалъ онъ имъ своею исповѣдью, проповѣдью и наконецъ поздравленіемъ. Не знаю, конечно, долго-ли сохранилось у причастниковъ воспринятое впечатлѣніе: мірская суета и жизненныя заботы, вѣроятно, скоро брали верхъ, но изъ того факта, что нѣкоторые исповѣдники каждый мѣсяцъ (другіе и чаще) стали ѣздить исповѣдываться къ о. Іоанну, можно заключить, что впечатлѣніе св. причащенія у кронштадтскаго пастыря далеко не мимолетное...

* *
*

Въ началѣ своей пастырской службы, когда исповѣдники внѣ Великаго поста были большою рѣдкостью, о. Іоаннъ посвящалъ каждому приходящему каяться въ грѣхахъ много времени; это была не простая формальная исповѣдь, а цѣлая школа, испытаніе, экзаменъ душевныхъ чувствъ и религіозныхъ знаній. Иногда

батюшка проводилъ цѣлые часы въ бесѣдѣ съ исповѣдникомъ и, откладывая разрѣшеніе грѣховъ, заставлялъ приходить еще и еще... Съ годами число „дѣтей“ кронштадтскаго пастыря, а въ томъ числѣ и исповѣдниковъ росло въ огромной прогрессіи. Приходилось исповѣдывать уже ежедневно не однихъ больныхъ, но и здоровыхъ, притомъ не единицами, а сотнями...

Исповѣдникамъ не ведется записей и регистратуры; отъ нихъ не требуется никакихъ другихъ обѣтовъ и формальностей, кромѣ:

— Каюсь и проклинаю свою прошлую грѣховную жизнь. Твердо рѣшаюсь жить по Евангелію и постараюсь добрыми дѣлами загладить свои прежніе грѣхи.

Вотъ все; но эта фраза говоритъ краснорѣчивѣе цѣлыхъ исписанныхъ томовъ о вѣрѣ и благочестіи...

* *
*

Я упомянулъ уже, что число исповѣдниковъ о. Іоанна растетъ съ каждымъ годомъ. Среди нихъ есть такіе, которые одинъ только разъ въ жизни исповѣда-

лись у кронштадтскаго пастыря и, почитая его своимъ духовнымъ отцомъ, прося заочно его молитвъ, должны исповѣдываться у другихъ священниковъ; таковы харьковскіе, московскіе, архангельскіе и др. жители; поѣздки въ Кронштадтъ для нихъ сопряжены часто съ неопреодолимыми препятствіями и хотя они считаютъ о. Іоанна своимъ духовнымъ отцомъ, но принуждены ограничиваться письменными сношеніями. Затѣмъ, другая категорія исповѣдниковъ, которые непремѣнно каждый Великій постъ пріѣзжаютъ говѣть въ Кронштадтъ. Такихъ больше всего. Иногда по пятницамъ о. Іоанну приходится исповѣдывать съ 4 ч. вечера до 11—12 час. ночи. Наконецъ есть такіе, которые ежемѣсячно, даже чаще, круглый годъ исповѣдываются у о. Іоанна. Ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, но преимущественно они петербургскіе или кронштадтскіе жители: въ числѣ послѣднихъ я знаю нѣсколько флотскихъ офицеровъ и почтенныхъ семей...

КОНЕЦЪ.

У КНИГОПРОДАВЦА
Т. Ѳ. КУЗИНА,
въ С.-Петербургѣ,
Апраксинъ дворъ, № 119

Продается книга:

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ
или
ПОСЛѢДНЯЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Составилъ Е. Тихомировъ.

Для лицъ, интересующихся знать, что насъ ожидаетъ за дверьми гроба подъ названіемъ: «Загробная жизнь или послѣдняя участь человѣка». Большой томъ 640 стр. въ 8 д. листа, плотной, но четкой печати, содержащій шесть отдѣловъ: I. Смерть и безсмертіе. II. Частный отдѣлъ. III. Погребеніе и поминовеніе православнаго христіанина. IV. Первый періодъ загробной жизни. V. Кончина вѣка. VI. Второй безконечный періодъ жизни. VII. Дополненіе. Историческое доказательство безсмертія души человѣческой и будущей жизни. Спб. 1888 г. ц. съ пересылкою безъ перепл. 3 р. въ изящномъ коленкоровомъ перепл. съ пересылкою 4 рубля.

Загробная жизнь, всегда была есть и будетъ предметомъ величайшаго вниманія живущаго человѣчества. Пытливый умъ человѣка сталкиваясь съ таинственностью загробнаго бытія, всегда силится приподнять завѣсу будущности и трепетно заглянуть за роковую границу между бытіямъ и небытіямъ.

Предлагаемая книга, соединяя въ себѣ свидѣтельство человѣковъ благоугодившихъ Творцу-Создателю нашему и удостоившихся какъ величайшихъ откровеній, такъ и ученій выдающихся пастырей церкви о жизни нашей за гробомъ.

Здѣсь благочестивый читатель почерпнетъ полную увѣренность въ загробной жизни и узнаетъ о послѣдней участи человѣка, изъ міра скорби и печали, перешедшей въ міръ, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни воздыханій.

Рекомендательный и лестный отзывъ объ этой книгѣ, напечатанъ въ отдѣлѣ, библіографическихъ замѣтокъ въ № 50 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1888 годъ.

Отъ С.-Петербург. Духовнаго Цензурнаго Ком. печ. дозв.
Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*. Тип. П. Вощинской.

